

Проект Исламского дома „Этис“
Серия „Современная дагестанская проза“

Жанна Абуева

ДАГЕСТАНСКАЯ
САГА



Современная дагестанская проза

Жанна Абуева

Дагестанская сага. Книга I

«Эпоха»

2011

Абуева Ж. Н.

Дагестанская сага. Книга I / Ж. Н. Абуева — «Эпоха»,
2011 — (Современная дагестанская проза)

Первая книга романа «Дагестанская сага» охватывает период первой половины XX века и повествует о полных драматизма судьбах людей, вовлеченных в водоворот событий, происходивших на Юге России. Главные герои романа сумели сохранить свои чувства, уважение к горским традициям, которые и помогли им выстоять в драматический период становления нового государства. Вторая книга предполагается к изданию в 2012 году.

© Абуева Ж. Н., 2011

© Эпоха, 2011

Содержание

Профили эпохи	6
Книга 1	9
Часть I	9
Глава 1	9
Глава 2	12
Глава 3	13
Глава 4	15
Глава 5	17
Глава 6	18
Глава 7	18
Глава 8	23
Глава 9	24
Глава 10	25
Глава 11	28
Глава 12	32
Часть II	36
Глава 1	36
Глава 2	37
Глава 3	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Жанна Абуева

Дагестанская сага. Книга 1

© Абуева Ж. Н., 2011

© Серия «Современная дагестанская проза», 2011

© Издательский дом «Эпоха», 2011

Профили эпохи

Творчество Жанны Абуевой, отличающееся широтой жанрового и тематического диапазона, уже заняло своё место в дагестанском культурном поле. Читательской аудитории известны её рассказы, поэтические произведения, публицистика. Обращение к крупной эпической форме – роману – не случайно. Оно подготовлено темами, идеями, мотивами её текстов, опубликованных в республиканской печати, а также изданных отдельными сборниками. Надо заметить, что каждый такой сборник вызвал и вызывает активный отклик читателей. Реакция на творчество Жанны Абуевой неоднозначна, порой противоречива, но это свидетельство того, что её тексты интересны, они «цепляют» и есть в них что-то, заставляющее внимательно вчитываться и принимать либо отвергать прочитанное. Они живые и населены людьми, которых мы встречаем практически ежедневно.

Как в стихах, так и в прозе письму её свойственна целомудренность выражений, каких бы крайних состояний души человеческой они ни касались. Добавим сюда и манеру изложения – сдержанную и интеллигентную, что также немаловажно, учитывая особенности дагестанского менталитета, и лёгкость пера, и культуру слова. Всё это и ещё многое другое, о чём писали маститые критики и литературоведы К. Абуков, С. Ахмедов и другие, составляет характеристику произведений Жанны Абуевой.

Роман «Дагестанская сага» написан в жанре семейной хроники и наполнен особым содержанием эпохи, ознаменованной войнами и революциями, репрессиями и выселением целых народов, историческими катаклизмами невиданного размаха. Весь традиционный миропорядок, охваченный глубоким кризисом ценностей и норм жизни, оказался разрушенным. Конфликты, как отзвук больших исторических коллизий, в которые вовлечены персонажи романа, жестокий кризис, переживаемый семьёй Ахмедовых, стали типичными для всего дагестанского общества.

По событиям, описанным Ж. Абуевой, вполне можно составить представление об исторической ситуации первой половины XX века, когда разворачивается действие романа. Автор вновь и вновь обращается к реалиям времени, вводя их в текстовый ряд и придавая тем самым художественному произведению черты хроникальности. Включение в повествование имён и фигур реально существовавших исторических деятелей выполняет здесь сразу несколько функций, создавая исторический фон, придавая произведению определённую жанровую окраску и участвуя в развитии сюжета и организации композиции.

События эпохи тесно сопряжены не только с социальной, но и с духовно-этической сферой жизни героев романа. Революция несла дагестанцам не только светлое будущее, но и трагедию, отразившуюся в судьбах самых разных людей, представителей всех слоёв общества. Осмысление судьбы одной семьи в свете нового социального опыта, радикально изменившего ход жизни каждого из героев, и составляет событийную основу произведения.

В романе получают развитие несколько сюжетных линий: линия старших Ахмедовых – Ансара, Айши, сестры Айши – Шахри и её мужа Манапа, всех тех, кто родился и прошёл процесс становления ещё до революции.

Второй, новый, уровень сюжета связан с детьми Ансара – Маликой и Имраном, с сыном Шахри Далгатом, а также многими, с кем свела их жизнь на своих перепутьях. Все герои хотят лишь простого человеческого счастья, но дорога к нему длинна и трудна, и к желанной цели, которую они заслужили по праву, Ахмедовы придут через испытания и лишения, через горечь и разочарования.

Прототипы отдельных персонажей романа уже были описаны под другими именами в автобиографической книге Жанны Абуевой «Для меня мой Буйнакск – столица». Конечно, здесь многое изменено, но всё равно ясно, что именно через своё, близкое, родное и родовое

писательница решает проблему «человек и время». Решает по-своему, уходя от многих стереотипов описания событий периода 30–40-х годов. Рассказывая о трагических как для всей страны, так и для семьи Ахмедовых 30-х годах, она не боится эпатировать читателя и умеет доходчиво, без всякого пафоса излагать собственные мысли.

Она никак не комментирует события, сломавшие жизни людей рода Ахмедовых и их близких, не предаёт анафеме советскую власть и Сталина, как это наблюдается в современной литературе. Она кратка, но кратка по-своему. Её простой, внешне беспристрастный и лишенный эмоций рассказ создаёт порой эффект подлинности, а одновременно и стилизации под хроникальные тексты, фиксирующие те или иные события. Автор описывает своих героев на крутом изломе жизни. В романе слились трагедия исторических обстоятельств и трагическая судьба личности, и эта коллизия Жанной Абуевой успешно решена.

Одной из задач романа является показ зарождения семьи Ахмедовых: любовь Ансара и Айши, пошедших наперекор воле родных, тяжёлое расставание Айши со своей семьёй, бегство молодых в город и, наконец – как утешение и успокоение – их Дом.

Дом, кропотливо возведенный Ансаром для любимой жены и детей, является у Ж. Абуевой архетипическим понятием, символом надёжности, оплотом семьи и стабильности. Для семьи Ансара дом – это убежище, надёжное пристанище, то место, где сохраняется чувство относительного покоя и безопасности. Это мир тепла и постоянства, куда тянутся все герои книги. Все они рано или поздно приходят к Дому. У каждого есть заветная мечта, и каждое желание в конечном счёте сводится к обретению устойчивости в этом мире, в защищённости, а это даёт именно Дом.

Для последующих поколений – это мир детства, символ устоявшегося домашнего уюта, и именно здесь проявляется отчётливо, что жизнь человека сопровождают сакральные события: Любовь, Деторождение, Смерть.

Для каждого из Ахмедовых и их близких единственный оберег – это семья, отчий кров. Какие бы ни бушевали вокруг них разрушительные силы, хаос и дисгармония, какие бы чувства одиночества, забытости и заброшенности они ни испытывали, каждый противостоит этой беде по-своему. А все вместе они пересиливают её – и жизнь в доме продолжается: пекутся любимые пироги, пытит самовар, появляются новые члены семьи – зять, а затем и невестка, внуки... И люди не забывают дороги к дому Ахмедовых, где их всегда ожидает радушный приём и где им помогут, чем и как сумеют.

Ансар, построивший свой дом и созданный для жизни в семье, внезапно оказывается выброшенным из неё на целые десять лет. Постепенно надежда увидеть свою семью сменяется в нём отчаянием, а когда всё-таки он возвращается к своему родному порогу, то все оказывается намного сложнее, чем представлялось. Десять лет ссылки не прошли даром. Недоверчиво-подозрителен Ансар, страдает от вспышек мужа верная Айша, нет понимания между отцом и сыном.

Женщины этого дома – Айша, Шахри, Малика – во многом схожи друг с другом. Беззащитность, обаятельность и беспомощность – отличительные черты героинь романа «Дагестанская сага». Они не вырывают у судьбы своего счастья, а принимают то, что посылается им судьбой. Даже в годы тяжких испытаний, когда исчез в застенках НКВД муж Шахри, крупный партийный деятель, а позднее по ложному доносу на долгие десять лет выслан в Сибирь Ансар, когда Малика узнаёт, что значит быть дочерью репрессированного, женщины выдерживают всё. Растерянные, но не озлобившиеся и не утратившие способности помогать близкому, они поддерживают людей в дни испытаний и делят вместе с ними радость. Под стать им и Юсуп, позже ставший мужем Малики, чуткий, добрый и душевно щедрый интеллигент.

Так, морально-психологические драмы и кризисы в личной жизни не могут перечеркнуть надежды на радость бытия и торжество разумного жизненного начала.

Следует отметить ту тщательность, с которой Ж. Абуева выписывает детали быта. Приметы национальной идентичности здесь точны и лаконичны. Сначала это атрибуты статуса ханского дома родителей Айши в Кумухе, затем приметы быта буйнакского дома Ахмедовых, а также множество примет окружающего мира, маркирующих эпоху, традиции, уклад жизни дагестанцев.

Монологи и диалоги героев романа несут информационную нагрузку, создавая при этом ощущение достоверности исторического знания событий, о которых идёт речь в произведении.

Давно наметившаяся в творчестве Ж. Абуевой тенденция описания городской жизни находит продолжение в её романе. Сначала это уютный Буйнакск 20–30-х годов с его нейтральными традициями, интеллигентами старой формации, семьями «бывших», ставшими тихими рядовыми обывателями. Затем действие переносится в Махачкалу, ставшую культурным центром республики. Здесь хоть и контурно, но вполне достоверно очерчен круг учёных, артистов, музыкантов, передана атмосфера города, даны эскизные наброски характерных для своего времени событий.

Всё это вместе взятое и составляет историю семьи, историю людей, объединённых одной судьбой – простую историю.

***Зулейха Магомедова,
доктор филологических наук,
ДНЦ РАН***

Книга 1

Время и судьбы

Часть I (1916–1920)

На изломе времени

Глава 1

Наступившее утро первым делом осветило высокие макушки гор, а уже потом плавно залило всю горную цепь, посреди которой, возвышаясь над стремительно бегущим потоком реки Койсу, расположился древний Кази-Кумух, который все справедливо называли городом и который сейчас мирно спал, готовый, впрочем, вот-вот пробудиться от солнечных лучей и от зазывных утренних криков петухов, не заставивших себя долго ждать и уже принявшихся оглашать округу своим задорным кукареканьем.

Нежные лучи раннего солнца озарили собою и сам город Кази-Кумух, и всю горную страну, жители которой, постепенно пробуждаясь, готовились начать день, обещавший им благодать в виде солнца и тепла, которым Всевышний щедро одарил этот край.

Один из лучей озорно проник в окно большого и просторного, в два этажа, дома, хозяин которого, Ибрагим-бек, достойно продолжал собою известный на весь Восток род кази-кумухских ханов и, конечно, рассчитывал на то, что и всё последующее потомство также продолжит как сам род, так и его славные традиции.

Основная резиденция Ибрагим-бека, имение Бухсанак, располагалась в живописной местности в паре десятков километров от Кази-Кумуха, и там он жил вместе со своей семьёй, и братьями, и невестками, и кучей племянников, и многочисленной челядью, наезжая время от времени в Кази-Кумух, чтобы решить административно-хозяйственные вопросы или просто вывезти сюда семью, когда его домочадцам наскучивал Бухсанак и им хотелось пожить немного в густонаселённом Кази-Кумухе, чтобы, как говорится, и людей посмотреть и себя показать.

Так вот именно здесь и застал их солнечный луч, который щедро залил сейчас комнату и, скользнув лучом по деревянным балкам потолка, задержался ненадолго на изысканном орнаменте старинного персидского ковра, почти целиком покрывавшего стену. Такие же огромные старинные ковры покрывали остальные стены и пол этой комнаты, но солнечный луч не стал больше задерживаться на них, а плавно переместился на лицо спящей девушки. Лицо было красиво той красотой, которая отличает кавказскую расу от всех остальных, и тонкий носик девушки нисколько не портила та небольшая горбинка, которая так же характерна для представителей Кавказа. Будто нарисованные художником чёрные стрелки бровей и такие же чёрные пушистые ресницы контрастировали с яркой белизной кожи и нежно очерченным контуром розовых губ. Волосы девушки разметались по шёлковой подушке, а сама она улыбалась чему-то увиденному во сне, пока не открыла глаза, разбуженная яркими лучами утреннего солнца.

В горах утро намного сочнее и красочнее, чем внизу, на равнине, так же, впрочем, как и остальное время суток, будь то день, или вечер, или ночь. Но роскошный и величественный горный пейзаж за окном был привычен для взора девушки, и поскольку другого пейзажа она никогда и не видела, то он казался ей вполне обыденным.

Девушка сладко потянулась и зевнула, украдкой прикрыв ладошкой рот, чтобы шайтан не успел поймать её зевок. Затем она встала и подошла к окну. День обещал быть жарким, а снаружи уже всюду доносились отзвуки повседневной суеты, скрип подвод, ржание коней и возгласы дворовых людей. Начинался день, похожий на все предыдущие и не обещавший каких-либо ощутимых перемен.

Быстро завершив утренний туалет, девушка спустилась вниз, на первый этаж, где её мать уже отдавала привычные указания помогавшим по хозяйству женщинам.

В свои сорок четыре года Парихан сохранила молоджавость и подтянутость, несмотря на многочисленные роды детей, которых Аллах щедро ей посылал, но, правда, бывало, и отбирал в младенчестве. Теперь у Ибрагим-бека и Парихан оставалось всего двое сыновей-погодков, четырнадцати и тринадцати лет, и шестнадцатилетняя дочь Айша, чьё лицо так приглянулось солнечному лучу и которая сейчас сидела за большим обеденным столом и со свойственным юности аппетитом ела тонкую лепёшку из пресного теста, заедая её кусочком овечьего сыра и запивая холодным молоком, налитым из изящного серебряного кувшина, которому наверняка было не менее ста лет, ведь кувшин вместе с остальными ценными предметами обихода достался им в наследство от деда, владетельного кази-кумухского хана. Наследство позднее дополнялось всё новыми и новыми роскошными вещами и безделушками, к которым семья привыкла так же, как и к окружающему горному пейзажу, тоже перешедшему к ним в собственное пользование от предков.

Всё было привычным, само собою разумеющимся и по-иному не представлявшимся.

Позавтракав, девушка принялась за вышивание, накануне начатое и отложенное по причине приезда гостей из соседней Аварии. В восемь рук женщины лепили вчера крохотные хинкальные галушки, засыпав ими потом три громадные кастрюли с кипящим мясным бульоном, а ещё четыре женских руки ловко управлялись с изготовлением восхитительных лепёшек с начинкой из творога, ещё загодя разложенного на полотняных салфетках и выдержанного до необходимой степени готовности.

– Ешьте, дорогие гости! – потчевал прибывших Ибрагим-бек, видный мужчина пятидесяти лет, восседавший во главе большого обеденного стола. – Хоть лакский хинкал по размерам и меньше аварского, но не менее вкусен и точно так же насыщает желудок!

– Воистину, это так! – соглашались гости, с удовольствием поедая нежное и аппетитное мясо свежезарезанного молодого барашка и прихлёбывая из больших фаянсовых кружек, куда то и дело подливалась горская буза.

Завершив трапезу, мужчины удалились во внутренние комнаты, где, расположившись удобно на длинных восточных подушках, завели долгую и неспешную беседу об урожае, о лошадях, и вообще обо всём, что обсуждают обыкновенно мужчины. Более всего, однако, присутствующих интересовало событие, имевшее место во время празднования трёхсотлетнего юбилея дома Романовых, по случаю которого Ибрагим-бек был вместе с братом приглашён в Санкт-Петербург лично Его величеством императором всея Руси Николаем II.

И теперь гости с нескрываемым интересом слушали рассказ Ибрагим-бека о путешествии в далёкую и необыкновенно красивую русскую столицу Санкт-Петербург, где в непревзойдённой роскоши Зимнего дворца сотни людей принимались по-царски в огромных залах, отделанных мрамором, малахитом и нефритом и освещаемых десятками тысяч свечей в золотых канделябрах.

Вся аристократическая верхушка Российского государства и самые громкие из иностранных фамилий чествовали российского императора, олицетворявшего для них высшую самодержавную, данную самим Богом, власть. И когда в разгар празднества император обратился к Ибрагим-беку с просьбой исполнить для его гостей кавказскую лезгинку, потомок кази-кумухских ханов пошёл за честь выполнить просьбу русского царя, тем более что искуснее его в этом танце не было никого во всём горном крае.

Были на этом празднестве и другие представители дагестанской знати, из аварцев и кумыков. Последние успели предупредить: «Когда будете танцевать, смотрите, не поворачивайтесь к царю спиной!»

И они с братом танцевали так, что искры летели из-под ног во все стороны, зажигая если не роскошные наряды, то уж точно сердца всех присутствовавших. По окончании танца под рукоплескания восхищённых гостей император подошёл к дагестанцам и, обняв по очереди каждого из братьев, снял с руки массивный золотой перстень и вручил его Ибрагим-беку вместе с именными часами.

– А больше не доводилось бывать во дворце? – поинтересовался Загалав, крепкий и дородный гунибец, обладатель роскошных усов, кончики которых он то и дело покручивал большим и указательным пальцами.

– Мне нет, а вот отец мой бывал довольно часто. Помню, он ездил в Петербург и тогда, когда у государя родился, наконец, наследник, и отвёз в подарок кинжал, весь из чистого золота.

– Да-а, глубокоуважаемый Ибрагим-бек, ты на самом деле достойно показал перед русским царём наш горский намус! – с чувством произнёс сидящий по правую руку от хозяина хунзахец Уммахан. – Пусть Всевышний дарует многие годы благоденствия императорскому дому!

– Аминь, да будет так! – кивнул Ибрагим-бек и, понизив голос, продолжил после небольшой паузы: – Должен, однако, сказать вам, уважаемые, что в России, как я слышал, не так уж и всё спокойно... Всё больше появляется людей, желающих расшатать империю, и они ведут среди населения крамольные речи, призывая ни больше, ни меньше, как... к свержению царя! Такие речи не могут привести ни к чему хорошему, и потому я хочу просить вас пресекать любые попытки проникновения этой заразы в наши края!

– Разумеется! – согласились с ним присутствующие. – Мы не допустим, чтобы всякая там гольгѣба вносила смуту в наш уклад!

– Боюсь, уважаемый Ибрагим-бек, что зараза, о которой ты говоришь, уже успела проникнуть и к нам, – произнёс молчавший до этого унцукулец Исрапил.

– Что ты имеешь в виду?

– А то, что в нашем Аварском округе вовсю передаются из рук в руки бумажки, которые русские называют прокламациями и которые говорят, что дагестанцы – это народ, живущий под ярмом Николая. В этих самых прокламациях социалисты призывают ни больше и ни меньше как отрубить голову царю!

В комнате тотчас же послышался гул возмущённых голосов.

– То, о чём ты рассказываешь, уважаемый Исрапил, просто возмутительно. Какие-то босяки хотят захватить власть и овладеть землёй, которая им не принадлежит, вот и баламутят народ своей болтовнёй! Вы же помните, что в священном Коране сказано: «Не производите расстройств на земле после устроения её», так что, братья, давайте не будем позволять разрушать наше общественное устройство! Русский царь верит и доверяет нам, и мы не должны его подводить!

– Верно говоришь! – поддержали Ибрагим-бека мужчины и, поговорив ещё некоторое время, поспешили к своим коням, чтобы успеть до ночи вернуться в свои аулы.

Проводив гостей, Ибрагим-бек возвратился в комнату и, опустившись на подушки, принялся осторожно массировать правую ногу, причинявшую ему боль в том самом месте, где находился шрам от огнестрельной раны, полученной им в русско-австрийской войне.

Ибрагим-бек не любил вспоминать об этом, но сейчас, после беседы с гостями, его со всех сторон обступили воспоминания, и перед глазами всё стояло лицо брата Джабраила, вместе с которым он отправился воевать после того, как их отцу передали слова государя: «Я знаю, что

по своему положению сыновья его не должны отправляться на фронт, но если они поедут, то за ними поедут и другие!»

И они воевали вместе с братом, который на этой войне был убит и тело которого в течение месяца возвращалось на родину, чтобы быть здесь погребённым.

А он, Ибрагим-бек, в этом же сражении счастливо отделался ранением в ногу и был спасён аварцем по имени Хайрула, вытащившим его, истекающего кровью, с поля боя.

Правда, нога его так сильно загноилась, что медики уже решили её ампутировать, но, по счастью, родной брат государя, инспектировавший войска и заглянувший в лазарет с ранеными, увидел его там и сказал: «Любым способом спасите ему ногу!», добавив затем с улыбкой: «Лучше я один полк потеряю, чем ногу такого танцора!»

Ногу спасли, но хромота осталась.

Глава 2

По вымощенной ровными и гладкими камнями главной кази-кумухской дороге, носящей название Царской, медленно шёл юноша, держа под уздцы грациозного породистого жеребца.

На лице юноши лежала печать задумчивой отрешённости, и, явно не желая замечать красоты предзакатного часа, он полностью ушёл в одному ему известные мысли.

Юношу звали Ансар, и происходил он из весьма уважаемого и авторитетного рода Ахмедовых, уходившего корнями в те далёкие времена, когда на эту землю только-только пришла новая религия под благозвучным именем **ислам** и когда народ, населявший эту землю, стал первым, кто потянулся к этой религии.

Грустные мысли Ансара были связаны с состоявшимся накануне серьёзным разговором с отцом, и неприятный осадок, оставшийся на душе юноши после этого разговора, никак его не покидал. Речь шла о женитьбе. Ансар уже достиг того возраста, когда мужчина начинает задумываться над тем, чтобы обзавестись семьёй. Но здесь задумываться не приходилось, поскольку чуть ли не с самого рождения ему прочили в жёны его же троюродную сестру Кумсият, и этот вопрос, по крайней мере для его родителей, считался решённым.

Родители Кумсият тоже были за этот брак, предвещавший их дочери спокойную и безбедную жизнь в семье, владеющей не одной десятиной горской земли и не менее чем тысячей голов крупного и мелкого рогатого скота.

Браки между родственниками – в горах обычное дело. Хотя в Кази-Кумухе все были для всех «своими», всё же существовали здесь внутренние неписанные законы, заключавшиеся в строгом соблюдении иерархии. Да и удобнее было решать такие вопросы внутри собственных **тухумов**. Кази-кумухцы, высоко державшие планку, редко заключали браки с уроженцами других лакских сёл, хотя, бывало, и шли на равнозначные союзы с чохцами, хунзахцами или кайтагцами.

Хунзах был оплотом аварских ханов, Чох славился известными фамилиями, Согратль считался средоточием аварского духовенства, а Кази-Кумух концентрировал в себе и то, и другое, и третье, и это признавали все. Его называли городом, и не было на всём Северном Кавказе места, превосходившего его по славе и ратным подвигам, по роскоши и по культуре.

Двух кузин Ансара выдали замуж за именитых чохцев, и теперь, влившись послушно и плавно в малознакомую среду, они растили ребятешек, в одинаковом превосходстве владевших обоими родными языками.

Ансару надлежало взять в жёны Кумсият, и эта мысль так угнетала юношу, что он, как ни старался, не мог думать ни о чём ином.

Между тем его появление на мостовой не осталось незамеченным сразу несколькими парами девичьих глаз, глядевших украдкой на улицу из-за створчатых окон добротных кази-кумухских домов.

Статный и высокий, парень и в самом деле был хорош. Его глубокие серые глаза меняли свой оттенок от стального до бархатистого в зависимости от того, носился ли он по горным дорогам на своём породистом скакуне, или состязался в джигитовке с другими молодыми горцами, или, поднявшись на гору Вациллу, задумчиво устремлял свой взгляд на вершины других, далёких и таких же древних и непроницаемых гор.

Внизу, на равнине, тоже жили люди, но Ансар не мог представить себе иной жизни, кроме как здесь, в родных горах. Конечно, интересно было бы увидеть большой мир, о котором не раз приходилось слышать от местных и заезжих купцов, но его место здесь, высоко в горах, где летают орлы и где испокон веков живут его соотечественники.

Только вот жениться он мечтал совсем на другой девушке, мысли о которой непрестанно жгли его сердце. А может, и наоборот, это сердце направляло огонь в голову... Как бы то ни было, но с того дня, когда Ансар увидел Айшу, другие девушки перестали для него существовать. Она была его судьбой, и он почувствовал это с первой же минуты, когда вдруг увидел, что она выросла и превратилась в юную девушку, нежную, как цветок эдельвейса на альпийском лугу.

Был четверг, день, когда со всех ближних и дальних сёл горцы приезжали в Кази-Кумух, чтобы посетить его знаменитый базар, славившийся изобилием товаров по всему Кавказу. Говорили, что единственная вещь, которой нет на кази-кумухском базаре, – это птичье молоко, а всё остальное здесь было. И потому уже с самого раннего утра царили тут гомон и оживление, и речь звучала на всех языках и наречиях горной страны. На базаре можно было купить всё, начиная от чистопородного арабского скакуна и кончая всевозможными женскими безделушками, а уж о продуктах-то и говорить нечего. Услужливые торговцы обеспечивали доставку покупок в дома кази-кумухцев, а сами они важно и степенно шагали по базару налегке.

Купив красивую новую уздечку для своего жеребца, Ансар возвращался домой, когда со стороны источника послышался весёлый девичий смех. Невольно повернув голову в сторону, откуда он доносился, юноша увидел стайку девушек, толпившихся у источника с большими кувшинами в руках. По горским адатам мужчины не имели права заглядываться на посторонних женщин, и потому Ансар тут же отвёл глаза, но, прежде чем он сделал это, взгляд его успел задержаться на одном из девичьих лиц, и, поймав взметнувшийся искоса ответный взгляд огромных чёрных глаз под чёрными стрелками бровей, юноша почувствовал, как бешено заколотилось его сердце.

Это сердце вот уже целый год волновалось от одной мысли об Айше, но надежда, тлевшая в нём, была слишком слаба, ибо Айша находилась на недостижимой высоте по причине принадлежности к ханскому роду, и он, Ансар, был для неё не ровней. Парень знал, что Айша может достаться любому из аварских и кумыкских, кайтагских и кюринских ханов, беков и шамхалов, но только не ему, и от этого ему было так горько, что самая мысль о женитьбе на Кумсият приводила его в бешенство.

«Нет, нет и нет! – твердил он себе. – Никогда Кумсият не будет моей женой!»

Произнеся в сотый раз эту фразу, юноша вскочил на своего коня и во весь опор помчался по извилистой горной дороге, надеясь, что быстрая езда отвлечёт его от тяжких мыслей.

Глава 3

В тесной комнатке, освещаемой тусклым светом лучины, сидели двое мужчин. Один, худощавый и сутулый, лет двадцати пяти или чуть более, был хозяином сакли. Другому на вид можно было дать лет тридцать или тридцать пять, и, судя по одежде, состоявшей из чёрной кожанки и старой потрёпанной фуражки, он явно не принадлежал к жителям гор.

Вынув из кармана кожанки выдавшую виды деревянную трубку, гость поднёс её к лучине и жадно раскурил. По комнатке тут же распространился запах крепкого табака, и, пока хозяин

ставил на стол миску с дымящейся чечевичной похлёбкой и жёсткие ломти самодельного чурека, прибывший молча дымил трубкой, рассматривая довольно убогий интерьер сакли.

Нурадин, так звали хозяина, сам привёз своего гостя в аул, укрыв его под ворохом сена на своей выдавшей виды арбе. Год тому назад Нурадин примкнул к обществу людей, желавших изменить веками установленный порядок. Эти люди называли себя большевиками и на своих тайных сходках горячо и бурно обсуждали пути и способы изменения этого самого порядка.

«Рабочий класс», «революция», «партия»... Все эти слова, слагаясь в лозунги, будоражили души молодых и не очень молодых дагестанцев, порождая в них трепетную надежду на то время, когда не будет в стране разделения на бедных и богатых, а вся полнота власти перейдёт в руки рабочих и крестьян.

С большевиками Нурадина познакомил его двоюродный брат Сулейман, работавший печатником в типографии Темир-Хан-Шуры. Именно Сулейман поведал ему о масштабах революционного брожения в умах дагестанцев. От него Нурадин узнал о том, что значит подполье, конспирация и агитация, и именно агитацией в качестве партийного задания он должен был заниматься в обстановке строжайшей секретности там, где жил, – в горах.

Гостя звали Манап, и был он профессиональным революционером. Сейчас Манап скрывался от губернских властей, и лачуга Нурадина на самом краю аула в качестве убежища была самым подходящим местом для его вынужденного и временного перемещения.

В эту ночь в домике Нурадина долго горела лучина, а разговоры всё не иссякали. По рассказам Манапа, практически вся Российская империя охвачена революционным запалом, товарищ Ленин руководит движением из-за границы, армия на стороне большевиков, и уже совсем скоро власть в стране перейдёт к Советам.

Нурадин слушал товарища, затаив дыхание, глаза его ярко блестели, и этот блеск не мог скрыть даже тусклый свет лучины.

– А кто у нас в Дагестане самый главный революционер? – спросил он у Манапа.

– Главного революционера у нас нет, – засмеялся Манап. – А наиболее видные – это Уллубий Буйнакский, Махач Дахадаев, Джалал Коркмасов, Саид Габиев, Алибек Тахо-Годи... Вот они главные в нашем движении! Их даже Ленин знает!

– Я хорошо помню Саида Габиева, – сказал Нурадин. – Мы с ним почти ровесники и даже немного в детстве дружили, когда их семья воротилась в Кумух из ссылки.

– Габиев – настоящий большевик, – сказал Манап. – Он очень много делает для нашей революции, особенно печатным словом!

– Интересно, где он сейчас?

– Вообще-то он много ездит с лекциями по стране, но сейчас он во Владикавказе. Как всегда, много работает, издаёт газету «Революционный горец». Кстати, погоди-ка, у меня припасен первый номер этой газеты!

Манап полез во внутренний карман кожанки и достал оттуда сложенную вчетверо газету. Подавшись вперёд к свету лучины, он принялся читать вполголоса: «... Мы не обольщаем себя лёгкостью работы, мы знаем, что на пути нашем будет много терний, много контрреволюционного шипения и интриг, но мы с глубокой верой будем всё же идти вперёд... Всё, что есть революционного в горах, всё найдёт самый живой отклик в «Революционном горце», который отныне будет служить путеводной звездой горским трудовым массам...»

Закончив читать и аккуратно свернув газету, Манап протянул её Нурадину:

– На, возьми, прочти сам и дай потом другим!

– Да, я вижу, в городе у вас всюю товарищи работают, – задумчиво произнёс Нурадин. – Честно говоря, удивляюсь, когда Саид ещё и стихи успеваешь писать? У него, как я слышал, их много, я даже переписал одно из старой газеты, а потом и выучил!

– Какие именно стихи? А ну-ка, прочти, я послушаю!

– Ладно, но если что забыл, извини!

И Нурадин принялся читать по памяти, устремив свой взгляд в оконце, за которым уже начинала поблескивать заря:

*К тебе, к тебе, о край родной,
К твоим ущельям и вершинам,
К твоим заоблачным сединам,
К твоим прославленным руинам,
К твоим поросшим мхом могилам,
К твоим полям, аулам, скалам,
К твоим страданиям и печалям,
К твоим погибшим в войнах ратям,
К твоим в крови тонувшим братьям,
К порывам чести благотворным,
И для свободной жизни новой
Прими привет мой издалёка
О край родной, с Невы широкой...*

– Да, я знаю это его стихотворение, – кивнул Манап. – Но мне больше нравятся другие строчки, вот эти:

*...Поднимутся ль былинные герои?
Когда народ сберётся в рать одну?
И превратится ль темнота в зарю?
Как можете спокойно наблюдать,
Как мучают и душат ваш народ
Весь царский двор и тайный его сброд?
Придёт ли день, когда сгорит дотла
Романовых тиранство от огня?
И доживём до радостного ль дня?...*

Манап замолк и в наступившей тишине сказал вдруг затем с неподдельным восхищением:

– Стихи эти – лишь подтверждение того, что одно хорошее дело никак не может мешать другому хорошему делу! Подумай-ка сам, с одной стороны, революция, борьба, с другой – поэзия, стихи... Разве нет у них меж собой общего? Революция – это идеалы свободы, и поэзия тоже не терпит никаких оков. Вот помяни моё слово, когда мы победим, у нас будут свои поэты, революционные, и все они будут в стихах прославлять равенство и свободу, а не царя!

Когда гость уснул, взволнованный беседой и всеми услышанными новостями, Нурадин долго ещё сидел на стареньком топчане, читая и перечитывая газету и мечтая о том, как всё будет, когда большевики победят.

Глава 4

– Айша! Скорее иди сюда!

Обычно звонкий и мелодичный, а сейчас пониженный до шёпота голосок Шахри оторвал девушку от мыслей, которым она предавалась, склонившись над вышивкой и автоматически водя по ней иглой.

Шахри была сиротой и с детских лет жила в доме Ибрагим-бека. Злые языки поговаривали, что она приходилась ему внебрачной дочерью, но это было не так. Когда-то много

лет назад, охотясь с друзьями в горах Аварии, Ибрагим-бек едва не стал жертвой громадного дикого вепря, неожиданно появившегося из-за деревьев и яростно накинувшегося на него. От неминуемой смерти гостя спасла пуля, выпущенная молодым хунзахцем Гаджиявом, одним из тех, кто сопровождал его на охоте, и метко попавшая прямо в морду зверя.

Благодарный Ибрагим-бек щедро одарил своего спасителя, а спустя год, вновь оказавшись в этих краях, узнал о кончине Гаджиява и его жены, случившейся от схода лавины, унесенной вместе с собою в пропасть возвращавшихся из соседнего села людей и скотину.

Тогда-то и забрал Ибрагим-бек в свой дом Шахри, пятилетнюю дочурку Гаджиява, окружив её заботой и вниманием наравне с собственными детьми.

Айша и Шахри были ровесницами и, как это обычно бывает, почти не разлучались. Иногда Шахри с благословения названного отца отбывала на свою родину, чтобы повидаться с соотечественниками, поклониться могилам предков и поговорить на родном аварском языке, после чего возвращалась обратно в дом, где её ждали и любили люди, ставшие для неё семьёй.

Как раз на днях девушка вернулась из очередной поездки в Аварию и сейчас стояла в дверях, делая подруге таинственные знаки. Её большие карие глаза блестели от возбуждения, и всё её лицо с высокими, тонко очерченными скулами и неизменным румянцем во всю щеку выражало нетерпеливое желание немедленно поделиться с названной сестрой какой-то вестью.

Айша поднялась со стула и пошла ей навстречу.

– Что? Что случилось? – спросила она, также невольно понизив голос.

– Ой, ты даже не представляешь, что я тебе сейчас расскажу! Но прежде дай слово, что не выдашь меня!

– Даю, даю, говори скорей! – Девушке уже и самой не терпелось узнать, что же так взволновало её подругу.

– Я спускалась вниз и случайно услышала разговор тёти Парихан с двумя женщинами. Не знаю, кто они такие, я их впервые вижу, но речь шла о тебе!

– Обо мне? – удивилась Айша. – Но почему мама говорит обо мне с посторонними женщинами?

– Да погоди ты, дай рассказать! Они разговаривали по-кумыкски и... кажется, разговор касался твоего замужества...

– Моего замужества?! Ох, только не это! Я... не хочу!

– Ну, хочешь – не хочешь, а придётся! Как я поняла, вопрос уже решённый... Тебя собираются отдать за Султана, сына таркинского шамхала!

Айша задрожала. Именно этого она и боялась. Она чувствовала, что что-то происходит, потому что в последнее время родители замолкали при её появлении, а мама, прежде охотно беседовавшая с дочерью, теперь явно уклонялась от непринуждённых и душевных разговоров. Значит, они всё-таки приняли решение, хотя и прослышаны о вздорном и петушином нраве шамхальского отпрыска!

О Аллах, как же теперь быть?! Её мнение в данном случае никого не интересует, ведь главное для них – чтобы брак не был неравным. Последняя причина породила в их роду немало родственных браков, но стоило лишь Айше и Шахри поинтересоваться, правду ли говорят, будто от таких браков рождаются больные дети, Парихан сказала, как отрезала:

– Да, в нашем тухуме случались близкородственные браки, но, слава Аллаху, нет среди нас ни душевнобольных, ни физически убогих! Надо будет, и вас отдадим!

И вот теперь матримониальная тема приблизилась к ней вплотную! Но она не желает выходить замуж ни за Султана, ни за кого-либо другого из знатных родов, потому что... сердце её принадлежит только одному человеку – юноше по имени Ансар. И об этой её тайне не знает никто, даже самая близкая подруга.

Шахри заметила, как, изменившись в лице, Айша ухватила за дверной косяк, чтобы удержать равновесие, но она была так возбуждена нечаянно услышанным, что даже не попыта-

лась поддержать подругу. Ведь как бы ни сопротивлялась в душе Айша, ей всё равно придётся подчиниться воле отца. В горах так было и так будет всегда.

Зато она, Шахри, не станет подчиняться никому и выйдет замуж только по собственному выбору. Пока что её сердце свободно, но в один прекрасный день она непременно встретит своего героя!

* * *

В тот же день Парихан сообщила дочери об отцовском решении. Ибрагим-бек дал слово Измудину Таркинскому, что отдаст в жёны его сыну Султану свою дочь Айшу, и велел Парихан передать последней свою волю.

Сердце женщины страдало от предстоящей разлуки с дочерью, впереди у которой была неизвестность, но, привыкнув во всём подчиняться мужу, она так и поступила, с наигранной бодростью добавив от себя, что Айша может выбрать для своего свадебного наряда любую из тканей и любые украшения из материнских сундуков.

Застыв в подавленном молчании, девушка выслушала слова матери, но едва та вышла из комнаты, как она бросилась на кровать и зашлась в горьких рыданиях.

– Не плачь, сестрёнка, ради Аллаха, прошу тебя! – Шахри склонилась над Айшей и нежно погладила её чёрные блестящие волосы, туго заплетённые в длинные косы. – Прекрати! Я не могу видеть твоих слёз!

– Я не хочу... не хочу... не хочу! – только и твердила девушка, сотрясаясь в рыданиях.

– Понимаю, моя золотая! Но ты же не можешь послушаться своего отца!

– Ну почему, почему? Почему так должно быть? Почему я должна выходить замуж за незнакомого и... нелюбимого? Ведь я люблю...

Вместе с рыданиями девушка едва успела подавить имя своего любимого, но тут Шахри мягко произнесла:

– Да знаю, знаю... Ты любишь Ансара! Я ведь давно это поняла, просто всё ждала, пока сама расскажешь!

– Ты... поняла... но как?!

– Я что, похожа на дурачку? Нетрудно было заметить по твоим глазам и румянцу, когда мы встречали его на улице. Слава Аллаху, уж я-то тебя хорошо изучила!

– Но... как же мне быть? – Потрясённая девушка смутилась от того, что тайна её раскрыта, но тут же, вспомнив о сегодняшних событиях, вновь разрыдалась.

С минуту Шахри сосредоточенно обдумывала какую-то мысль, а затем, решившись, произнесла:

– Мне кажется... более того, я уверена... что и он тебя любит! Это видно... по его глазам... и по его румянцу, едва он видит тебя!

Слова подруги ещё больше смутили девушку, чьё сердце знало, что это правда. Взгляд Ансара говорил о любви больше всяких слов, а её ответный взгляд, обращённый к нему, говорил о том же.

Однако изменить отцовскую волю она не могла.

Глава 5

Весть о предстоящей свадьбе дочери Ибрагим-бека мгновенно облетела весь город Казикумух, и люди принялись активно её обсуждать. Понятно было, что самим фактом своего рождения и принадлежности к ханскому дому ей было назначено стать женою любого из представителей правящей верхушки Дагестана, но девушка была так хороша и так скромна, что не одна кази-кумухская мать в мысленных мечтаниях видела её нареченной своего сына.

Судьба Айши вызывала сочувствие, ибо молва уже давно донесла жителям гор о вздорном и задиристом нраве Султана. Пусть дом его ломился от изобилия, но даже близкие люди с трудом выносили этого капризного и избалованного барчука.

Новость, которую принесла в дом Ансара его двоюродная тётка Хабибат, ошеломила юношу, и ему больших трудов стоило сохранить самообладание. От матери не укрылась смертельная бледность, мгновенно покрывшая лицо её сына, и Жарият с нарастающей в душе тревогой всё поглядывала в его сторону.

Своим материнским чутьём она тут же смекнула, в чём дело, и, притворяясь, что внимательно слушает родственницу, думала о том, что надо бы поскорее женить сына.

Она только собралась задать ему какой-то незначительный вопрос, как он уже бросился вон из комнаты, и через минуту снаружи послышались стук копыт и ржание понукаемого коня.

– Что это с Ансаром? – подозрительно спросила Хабибат. – Какой-то он странный сегодня! Ушёл, даже не попрощавшись!

– Он должен срочно исполнить поручение отца, вот и торопится... Не обижайся на него, сестра! – мягко сказала Жарият, моля в душе Бога, чтобы любимый сын не наделал глупостей.

Глава 6

В горах стояла ночь, такая красивая, величественная и таинственная, какая бывает лишь в горах. Казалось, что стоит с вершины протянуть руку к густому чёрному небу, и можно сорвать с него одну из громадных ярких звёзд, таких же золотисто-белых, каким становится обычно масло, сбиваемое из молока ловкими руками горянки.

Будто нарисованные, звёзды усыпали ночное небо, и оно выглядело сейчас совсем как атласный шатёр из арабских сказок.

Людям, собравшимся этой ночью на одной из горных троп, было, впрочем, не до звёздного неба. Их волновали совсем иные вопросы, и, понизив голоса, они говорили о том, что скоро всё изменится, и жизнь станет одинаково хороша для всех, и не будет бедных, а будет партия рабочих и крестьян, которая приведёт народ к счастливой и достойной жизни.

Такие встречи были уже не редкость в этих краях, и с каждым разом людей, а значит, и надежд становилось всё больше.

Нурадин сидел подле Манапа в кругу собравшихся и с гордостью слушал, как обстоятельно и толково разъясняет его друг горцам всё, что тех волновало и будоражило.

– А Ленин, он какой? – спросил у Манапа Иса, чабан в третьем поколении, из тех, что десятилетиями пасли бесчисленные отары ханских овец на ханских же пастбищах. – Он, верно, настоящий джигит, отважный и решительный, раз не побоялся пойти против царя!

– Да, он и в самом деле смелый и очень умный человек! Говорят, он не совсем здоров, зато умом его никому не обойти. Ленин – наш вождь, и мы должны верить ему, как самим себе! Нам нужно лишь объединиться всем вместе, и тогда мы победим!

Так говорил собравшимся Манап, и долго ещё горцы сидели, расстелив на траве свои бурки и беседуя о будущей жизни, в которой не будет места угнетателям, а звёзды, рассыпавшись золотисто-белым узором по чёрному атласному небу, спокойно и загадочно мерцали, словно зажжённые искусной рукой невидимого мастера.

Глава 7

В сумерках уходящего дня Шахри сидела у окна, обращённого на кази-кумухскую улочку, и размышляла. Утренняя сцена взволновала девушку, и она никак не могла представить себе, что её подругу отдадут в чужие руки и она будет жить вдали от родных гор, где-то там, внизу, пусть в роскоши, но глубоко несчастная.

Шахри долго думала и наконец придумала план, простой и до невероятности дерзкий. Нужно, чтобы Ансар похитил Айшу! Такое не раз происходило в горах, и последствия бывали самыми разными, от яростного родительского гнева и до конечного благословения. Хорошо, если через какое-то время посредством стараний в виде **маслиата** похититель получал прощение, но бывало и так, что дело кончалось пролитой кровью, создавая таким образом прецедент кровной мести.

Ибрагим-бек славился своей мудростью, и хотя, бывало, мог вспылить, но и быстро отходил. Конечно, своего слова, данного Измудину, обратно он не возьмёт, но через какое-то время наверняка поймёт, что счастье любимой дочери важнее всего остального.

Итак, выход найден! Надо лишь придумать, как осуществить сей замысел.

Брошенный в окно камешек прервал мысли Шахри, и, выглянув наружу, она увидела, что напротив, у глухой задней стены соседнего дома, стоит Ансар. Весь его вид говорил о том, что парень сильно расстроен, и он знаками показывал девушке, что хочет что-то ей сказать. Приоткрыв створку окна, Шахри услышала, как юноша прошептал умоляюще:

– Помоги, прошу тебя! Помоги с ней встретиться!

Девушка понимающе кивнула и ответила также шёпотом:

– Приходи через час, думаю, вам удастся поговорить!

Она бегом спустилась вниз, в гостиную, где Айша сидела на тахте, устланной золотисто-зелёным бархатным покрывалом, и, в грустном молчании опустив покрасневшие от недавних слёз глаза, слушала, как её двоюродная тётушка Шуанат с увлечением рассказывает о славных былых временах. Вся ушедшая в воспоминания и переходя от одного повествования к другому, Шуанат так и сыпала новостями, а сидевшие вокруг неё женщины, обратившись в слух, не забывали при этом ловко водить иголками по шитью.

– Вы знаете, что в Бухсанаке ящур поразил весь скот? За одну ночь погибли все коровы!

– Что ты говоришь! О Аллах, как случилось такое! – воскликнула Парихан.

– Помнишь, когда умерла наша Шавлук, то все её богатства, оставшиеся от отца, уложили в семь сундуков, а ключи от этих сундуков отдали на хранение мечетскому кадию? И когда её Асват выходила замуж за своего двоюродного брата Джафара, то всё это добро дали ей в приданое.

– Ещё бы не помнить! – с усмешкой сказала Парихан. – Все знают, как обе дочери Шавлук делили отцовское золото, наполняя им сито!

– Так вот, теперь, когда все их коровы за одну ночь погибли, Асват пожертвовала своим приданым и купила на всё своё золото в Цудахаре пятнадцать коров.

– Молодец! – сказала Нафисат, приходившаяся Парихан родственницей и не так давно ставшая женой Мухаммада-хаджи, имама знаменитой кази-кумухской мечети. – А интересно, остался у Асват тот золотой пояс с бриллиантами, который Джафар ей подарил на рождение сына? Или она его тоже отдала за коров?

– Да уж наверняка остался, с такими вещами не расстаются! – ответила Парихан.

– Тётя Шуанат, расскажи мне о Пахай, – вдруг попросила Айша, прервав своё глубокое молчание.

– О Пахай? – Глаза тётушки Шуанат заволочла лёгкая дымка, и, чуть помедлив, она сказала:

– Да что рассказывать? Пахай была настоящей красавицей и не по возрасту мудрой... Люди её любили, уважали... Правда, судьба её была несчастливой...

– Почему? – живо спросила Айша.

– Да потому, что когда подавили мятеж... в восемьсот семьдесят седьмом... то её выслали вместе с родными в Псковскую губернию, в город Опочку... где она и умерла через несколько лет, не выдержав разлуки с родиной... и со своим любимым...

– Она любила? Кого же? – В голосе девушки зазвенело волнение.

- Гасана из рода Гузуновых...
 - А он? И он любил её?
 - Ну да! Но он не был знатных кровей, и им не дали бы пожениться.
 - Прошу тебя, расскажи!
 - Ну что рассказать? Её с семьёй сослали в Опочку, и она там умерла... вдали от родных гор и очень несчастная!
 - А он?
 - Он сначала вообще уехал из Дагестана, потом снова вернулся и в конце концов женился.
 - Женился?! Как он мог!
 - Вах, он что, должен был оставаться бобылём до конца своей жизни? Он любил Пахай всем сердцем, но... жизнь лечит и не такое!
 - Она ведь писала стихи, да?
 - Да, писала стихи, обращённые к Гасану, а он писал стихи, обращённые к ней... И эти стихи, наверное, лучше всего рассказывают их историю!
 - Ты можешь их прочесть? – в волнении воскликнула девушка.
 - Конечно, я их очень хорошо помню! Слушайте!
- И Шуанат нараспев и с чувством принялась читать:

*Даже если изменишь, останусь я в жизни твоей,
Всё, что нас уж связало, под крепким храню я замком,
Записав твои письма немногие свято в душе,
Их ответом верну я тебе через месяца два.*

*Только утром зажжётся от солнца лучей всё вокруг,
Нахожу я повсюду твой образ, что солнцем согрет,
А, луну окружив, звёзды плачут о горе моём,
И к Всевышнему ангел мольбу обо мне обратит.*

*О огонь в моём теле, что жарче любого в печи,
Хоть в Евфрат опусти, он потушен не будет никак,
О души моей думы, бушуют что в тёмной ночи,
Мудрецов хоть спроси, не узнаешь причину никак.*

*Ты – как финик в цветку, я ж другая, с туманом в душе,
О, что делать мне с тем, кто дороже мне жизни моей?!*

Закончив читать, Шуанат на миг замолчала, затем сказала: – То были стихи Пахай. Теперь, раз уж пошёл такой разговор, слушайте стихи к ней Гасана:

*Пусть проклятья мои все коснутся России царя,
И нукаров кавказских, силки что расставили в райской долине,
Ты – цветок моей жизни. Свидетелем станет очаг,
Что любимой другой быть не может никак у меня.*

*С той поры, как с тобою расстался, я белых одежд
Не касаюсь вообще, ибо внешне блистать не желаю,
Если мрак на душе, что рождён расставаньем с тобой,
Сад цветущий российский не радует вовсе меня.*

*Славный город Кумух лишь тобою украшен бывал,
Пусть поглотится молнией он, раз тобой не сияет,
Дней весенних надеждой врата широко отвори
И Аллаху молись, и спасай наших пленных в России.*

*На могиле Меджнуна аромат распустившихся роз
Дом заполнил ашуга кумухского бедного сразу,
Твоё имя короткое – как золотой ашрафи,
До чего же красиво оно – словно красный цветок!*

*Коль по воле Аллаха дойду до мечты я своей,
Обещаю свой хадж совершить я к священной Каабе,
Пред вратами небесными стоя, Аллаха молю
Я в надежде о том, что молитвы мои Он услышит.*

– Как прекрасно! – прошептала Айша, и глаза её увлажнились.

В этот момент подошедшая сзади Шахри обняла её за плечи и быстро проговорила:

– Ты что, забыла, что обещала мне помочь выбрать украшения для моего будущего платья?

Айша, вся во власти только что услышанной истории, хотела что-то возразить, но подруга крепко стиснула её руку и повторила настойчиво:

– Пойдём, прошу тебя!

Шахри хранила молчание, пока они не оказались у себя в комнате, и лишь там, прикрыв плотно дверь, рассказала Айше о своём разговоре с Ансаром, умолчав при этом о возникшем у неё дерзком плане.

Нежное лицо девушки покрылось от волнения румянцем, когда она узнала, что совсем скоро ей предстоит встреча с любимым.

Спустя час те же самые створки окна, выходящего на пустынную улочку, раскрылись, и Ансар срывающимся от волнения шёпотом произнёс слова признания, которые так долго таились в его сердце, а затем услышал такие же слова и от Айши.

Счастливое возбуждение, смешанное с глубокой печалью, переполняло души молодых людей. Они, наконец, открыли друг другу свои сердца, но обоих впереди ждал союз с нежеланными.

Услышав приближающийся голос тётушки Шуанат, Айша быстро отпрянула от окна, но за её спиной Шахри успела кинуть юноше записку с нацарапанными наспех словами: «Если любишь, добейся своего, пусть даже придётся её похитить!»

* * *

От дома, где жила Айша, Ансар летел, как на крыльях. Она его любит! Это главное, и теперь, когда он знает об этом, его никакие преграды не остановят! И потом, у него есть союзник в лице Шахри, чью записку он сейчас крепко сжимал в своём кулаке.

Да... пожалуй, это единственный выход... но... согласится ли Айша бежать с ним? Оставить родительский дом, навлечь на него позор...

Юноша придержал коня и пустил его шагом, а сам принялся размышлять о том, что же ему делать.

– Салам алейкум, друг, о чём задумался так, что меня чуть не переехал?

Прямо перед Ансаром, держа под уздцы красивого чёрного скакуна, стоял Гасан, его закадычный товарищ, дружба с которым вела своё начало ещё с тех пор, как босоногими мальчуганами они бегали наперегонки по крутым отвесным скалам.

– Прости, Гасан, я действительно задумался... кое о чём... и не увидел тебя!

– Кое о чём или кое о ком? – хитро сощурился небольшие чёрные глаза, сказал Гасан. – Сдаётся мне, что в последнее время эти думы целиком тобою завладели!

– Пожалуй, ты прав! – вздохнул Ансар.

– Так поделись, может, вместе подумаем! – сказал Гасан, догадывавшийся о предмете вздыхания своего друга.

– Ну... как тебе это объяснить... – медленно ответил Ансар и, вдруг решившись, разом, как на духу, поведал другу обо всём, включая идею Шахри.

– Да-а-а... – произнёс задумчиво Гасан, выслушав его. – Это очень, очень серьёзное дело! Ты ведь понимаешь, что рискуешь головой! Позор ляжет на оба ваших дома, а Ибрагим-бек тебя просто-напросто убьёт!

– Всё понимаю, но другого выхода действительно нет! Мои родители уже определили дату свадьбы, да и к Айше вот-вот придут сваты с кольцом и подарками. Не могу и думать об этом! Если она согласится бежать со мною, то я... я всё сделаю, чтобы она была счастлива!

– Что ж, если ты и в самом деле решился на такое дело... то я готов помочь тебе во всём!

– Спасибо, друг! – растроганно сказал Ансар и крепко обнял Гасана.

В это же самое время в доме Ибрагим-бека обе девушки, уединившись в своей комнате, вели жаркую беседу о любви, которую Айша и Ансар испытывали друг к другу и о той ситуации, в какой оказались молодые люди.

– Ну, что, что мне делать?! – в отчаянии вопрошала девушка, чьи глаза распухли от то и дело набегающих слёз.

– Послушай-ка, Айша, – наконец, собравшись с духом, решительно произнесла Шахри. – Есть один выход... если, конечно, ты на это решишься...

– Я готова на всё! – пылко воскликнула Айша. – Пусть я лучше умру, чем выйду за кого-то другого!

– Давай-ка не будем говорить о смерти, мы ещё слишком молоды! – сказала Шахри. – Тем более что впереди у тебя счастливая жизнь с твоим любимым Ансаром... если, конечно... ты готова с ним убежать!

– Что?! Убежать?! Убежать из дома? Астафирулла, астафирулла, я что, должна заплатить за своё счастье родительским позором! Нет-нет-нет, лучше пусть я умру!

– Ты умрёшь, когда этого захочет Всевышний, и ни мигом раньше! А вот другого выхода избежать брака у тебя, сестричка, увы, нет!

Долго ещё звучал в полуночной тишине взволнованный девичий шёпот, сменившийся затем отчаянными рыданиями глубоко несчастной Айши. До самого утра она не сомкнула глаз и приняла, наконец, решение ещё раз поговорить с матерью.

От первых же слов дочери Парихан пришла в ужас.

– Прошу тебя, дочь моя, не противься воле своего отца! Во-первых, он дал слово Измутдину, а во-вторых... время сейчас нехорошее, и... мы должны держаться друг друга... чтобы быть сильными!

– Какое время, мама, о чём ты говоришь! Умоляю тебя, убеди отца не отдавать меня за Султана!

– И думать забудь об этом! – сурово сказала дочери Парихан. – В таких вопросах «хочу-не хочу» не бывает! Не ты первая и не ты последняя, кто подчиняется родительской воле!

– Но ведь я не люблю его, мама! – в отчаянии воскликнула девушка.

– Так полюби! – отрезала мать и встала, давая понять, что разговор окончен.

Боль и обида захлестнули девушку, когда она поняла, что родители не изменят своего решения. Мать, обычно такая добрая и ласковая, теперь держалась враждебно и непреклонно. Отец даже не удостоил её объяснениями, не посчитался с её желаниями, а просто решил за неё её судьбу. Почему они так жестоки с нею? Почему даже не хотят её выслушать? Наверное, права Шахри, говоря, что единственное, что ей остаётся, – это бежать с Ансаром. И теперь она готова на это.

Глава 8

Прошла неделя, и как-то вечером, сидя в кругу своей семьи во главе большого обеденного стола, Ибрагим-бек обратил внимание на то, как похудела и осунулась его дочь.

В последнее время, озабоченный то и дело доходившими до него тревожными известиями о волнениях рабочих Темир-Хан-Шуры и Порт-Петровска, он не особенно вникал в свадебные приготовления, целиком положившись в этом вопросе на жену. Свадьба его дочери с сыном кумыкского шамхала нужна была и как политический альянс, призванный ещё более укрепить позиции дагестанской знати.

Сейчас, мельком взглянув на бледное лицо Айши, он вдруг заметил, что обыкновенно приветливое, выражение его стало задумчивым и даже печальным.

– Здорова ли ты? – обратился он к своей любимице.

– Да, отец, – тихо ответила Айша, опустив глаза.

Ответ, однако, не удовлетворил его, и после ужина он приказал дочери остаться.

– Ты и в самом деле не больна? – задал он ей тот же вопрос, ответом которому служило молчание стоявшей перед ним Айши.

– Что это с ней? – спросил недоуменно Ибрагим-бек уже теперь жену, и Парихан так же молча посмотрела на него и покачала головой. Она не посмела сказать мужу, что их дочь не пожелала даже взглянуть на присланные стороной жениха богатые и щедрые дары.

– Вы что, совсем разучились разговаривать? – повысил голос Ибрагим-бек. – Отвечайте, когда вас спрашивают!

– Отец... я... я... не хочу этой свадьбы! – Испугавшись собственной дерзости, Айша всё же нашла в себе силы посмотреть в глаза своему отцу.

– Что-о-о? Ты... не хочешь свадьбы? Что это значит?! – вновь обратился он к жене. – Ты как воспитала дочь? Она что, не знает, что приказы отца не обсуждаются? ... – От негодования голос его стал прерываться. – У меня и так голова кругом идёт... а тут ещё вы добавляете!.. Ни о чём не желаю слышать! Ступай в свою комнату и... покинешь её только в день свадьбы!

Айша разрыдалась и бросилась вон из комнаты, а Ибрагим-бек, метнув на жену грозный взгляд, сделал ей знак удалиться, чтобы в одиночестве обдумать те вести, которые он сегодня получил и о которых вот-вот станет известно всем остальным. Русский царь отрёкся от престола, и одному лишь Аллаху известно, что будет дальше.

* * *

Вернувшись к себе, Айша бросилась на кровать и дала волю слезам, чувствуя себя в этот момент самым несчастным созданием на всей земле.

– Что он сказал? – Шахри склонилась над подругой и обняла её за плечи. – Ну-ну-ну, перестань, прошу тебя! Если будешь столько плакать, от твоей красоты останется лишь тень и... Ансар разлюбит тебя!

– Ну почему они... такие?! Почему у нас так?! – сквозь рыдания причитала девушка. – И слушать даже не хотят!

– Что поделаться, сестрёнка, такие уж у нас адаты! Но ведь... твоя судьба в твоих руках, и пусть Аллах нам поможет!

* * *

Время неумолимо приближало срок свадьбы, и влюблённые отчаянно искали способы избежать её. Связь, налаженная с помощью записок, лишь усиливала их чувство, а верные друзья в лице Гасана и Шахри поддерживали их, перебирая десятки вариантов того, как под видом похищения можно было бы осуществить задуманное.

Однако, едва лишь Шахри попыталась озвучить один за другим ряд вариантов, как Айша произнесла решительно:

– Нет! Не хочу, чтобы это выглядело как похищение. Ведь тогда весь гнев моего отца обрушится на Ансара, а раз уж мы приняли это решение вдвоём, то и отвечать будем вдвоём!

Как ни тяжело было на сердце у девушки, она твёрдо решила, что должна разделить ответственность со своим любимым, и тогда созрел новый план. В полночь, когда весь аул будет спать, она выскользнет из дома и... уйдёт со своим избранником куда глаза глядят.

Так всё и вышло. Кинув прощальный взгляд на родной дом, Айша покинула его, ещё не зная, но всей своей душой чувствуя, что она никогда уж больше туда не вернётся. И, когда взошла луна, беглецы были уже далеко, держа путь к столице Дагестана – городу Темир-Хан-Шуре. Преданный друг Гасан сопровождал их на таившей немало опасностей дороге, мчась на своём чёрном, как ночь, скакуне рядом с белоснежным конём Ансара, в седле которого рядом с любимым доверчиво сидела одновременно несчастная и счастливая Айша.

А в доме Ибрагим-бека Шахри сидела в опустевшей девичьей комнате, с тревогой глядя в чёрную ночь и шепча слова молитвы с просьбой к Всевышнему не оставлять влюблённых без милости и покровительства.

Глава 9

Событие взбудоражило весь Кази-Кумухский округ, и, словно растревоженный улей, он гудел, передавая из уст в уста и из дома в дом известие о том, что дочь Ибрагим-бека сбежала с сыном Магомеда прямо из-под носа своего отца накануне собственной свадьбы.

Вне себя от бешенства Ибрагим-бек заперся в доме, стены которого сотрясались от его гнева, пока, наконец, через некоторое время не вышел к домочадцам и не сказал, обведя их тяжёлым и мрачным взглядом:

– Чтобы имя её в доме не произносилось!

Сразу после этого он отправил людей в Тарки, возвращая обратно подарки и извещая письмом, что в связи со смертью его дочери свадьба не состоится, о чём он, Ибрагим-бек Кази-Кумухский, глубоко сожалеет.

В первый же четверг базарного дня кто-то из местных весельчаков, завидев Ибрагим-бека, шествовавшего по оживлённому базару с мрачно-неприступным видом, громко и задорно запел, спрятавшись позади толпы:

*Один породистый купец,
Красивой девушки отец,
Собрался справить свадьбу,
Да дочка мигом собралась
И за любимым унеслась...
Куда же смотрят братья?*

В наступившей разом тишине холодный голос Ибрагим-бека прозвучал как набат, когда он, чеканя каждое слово, медленно произнёс:

– Если кому-то очень хочется петь, пусть поёт, только зачем прятаться? Мы послушаем, а потом, может, и заплатим этому шелудивому псу... певцу!

Сказав так, он с неторопливым достоинством продолжил свой путь, в то время как толпа поспешно перед ним расступалась.

Ибрагим-бек не был единственным, кто бушевал по поводу случившегося. В доме Магомед разразилась настоящая буря. Ансар, единственный сын и наследник, пренебрег законами гор и поставил лицом к лицу с позором не только своих родителей, но и Кумсият, свою невесту, и всех родственников, которые толпою сейчас налетели в их дом и с негодованием обсуждали поступок Ансара.

– Позор! Позор! Как мог он поступить так со всеми нами?! – причитали двоюродные тётки Ансара по отцовской линии, с возмущением глядя на Жарият, которая сидела перед ними, опустив низко голову и прикрыв краем платка побледневшее лицо.

– Кто теперь захочет взять в жёны его сестёр? Об этом он подумал? – негодуяще продолжали голосить тётки.

В этот момент дверь с шумом распахнулась, и в дом ворвалась Забидат, мать Кумсият, приходившаяся Магомеду снохой. Несмотря на миловидную внешность, Забидат славилась острым и ехидным языком, и её бесчисленные сплетни и интриги не раз вносили сумятицу и разлад в межтухумные отношения.

– Бедный Ансар! – с жаром воскликнула Забидат прямо с порога. – Он не виноват! Это она, бесстыдница, вынудила его пойти на это! Строила ему глазки, заигрывала с ним и, наконец, отдалась, ночью впусив к себе через окно! Я это знаю точно! В конце концов, он – мужчина, и почему не взять то, что само идёт в руки! А она какова? Это всё их развратная ханская кровь! Кичатся своим происхождением, а на деле все развратники, особенно их женщины! А самая развратная из них – эта Айша, будь она проклята! Это из-за таких негодниц, как она, страдают порядочные девушки вроде моей Кумсият!

Выпалив всё это на одном дыхании, Забидат на какое-то время замолкла, а потом снова заголосила:

– Бедная моя дочь! За что ей такое?! Почему она должна была пройти через этот позор? Моя чистая, скромная девочка, которая и глаз ни на кого не подымет! У неё на лбу написано, что она порядочная девушка, не то что эта бесстыжая девка, которая своим бесстыдством завлекла нашего мальчика... Ничего, ничего... скоро он ею наиграется и ещё вернётся к нам... а мы уж подумаем, простим или нет!

Обведя присутствующих гневным взглядом своих узкосопущенных зелёных глаз, Забидат с гневной мстительностью добавила:

– Запомните, что я вам скажу. Вот здесь и сейчас, прямо с этого места я проклинаю и эту злодейку Айшу, и весь её род за то, что она заставила страдать мою дочь! Пусть никогда в жизни не будет ей счастья!

Сказав так, она вышла из комнаты, громко хлопнув дверью и оставив после себя тяжёлое гнетущее молчание.

Конечно, случившееся ещё долго продолжало бы обсуждаться в кази-кумухских семьях, но другие события, неумолимые, как лавина в горах, заставили вскоре людей позабыть обо всём.

Глава 10

Империю лихорадило. Огонь революции, мгновенно превратившийся в пожар, полыхал во всех точках громадной страны, и народ, словно очнувшийся от долгой зимней спячки мед-

ведь, поднялся во весь свой рост и двинулся напролом, влекомый страстными призывами большевиков к построению нового мира, в котором все были бы свободны и равны.

Зрелище было одинаково захватывающим и страшным, и не было семьи, которую происходящее оставило бы в стороне.

Пробудив умы, а вернее, чувства простого люда, революция продолжала своё победоносное шествие по стране, неумолимо истребляя на ходу всё, что мешало или могло бы помешать ей идти вперёд.

Впервые за многие столетия Россия осталась без царя, но народ, ведомый большевиками, не желал более повиноваться никакой власти, кроме как своей собственной, и в эйфорическом возбуждении готов был и дальше крушить и разрушать всё, что олицетворяло для него прежний мир.

Повсюду на местах спешно создавались революционные комитеты, куда входили наиболее активные из сторонников большевиков. Лозунг «Вся власть Советам!» успешно претворялся в жизнь, несмотря на упорное сопротивление «белых», готовых сражаться – и сражавшихся – до последней капли крови за «матушку Русь» либо в отчаянии покинуть её пределы.

Страну лихорадило, а вместе с ней лихорадило и Кавказ. И здесь простые горцы желали лучшей жизни в справедливом обществе, которое было им обещано большевиками. Революционный пожар огненной рекой разлился по всему Кавказу, не миновав и Дагестан, где высшая власть в лице ханов, беков и шамхалов в наибольшей степени олицетворяла собою вековые устои, казавшиеся незыблемыми, но порядком пошатнувшиеся в результате безмолвно-враждебного противостояния богатых и бедных. Давно уже были в прошлом те времена, когда народ сам избирал себе правителей, готовый идти за ними на любого врага, посмеявшегося посягнуть на его священную землю. Нынешняя знать мало напоминала прежних бесстрашных и отважных, как львы, правителей, и с готовностью служила царскому самодержавию, всё более отдаляясь от собственного народа.

И потому зёрна, брошенные большевиками вроде Манапа и его единомышленников, попадали в благодатную почву и быстро всходили, превращаясь в буйное цветение ржи, пшеницы или мака...

Листовки революционного содержания одна за другой появлялись на ночных улицах дагестанских городов, возвещая о начавшейся в России революции и подчёркивая ведущую роль в ней пролетариата.

«Царь – враг народа, – говорилось в них, – ...все народы восстали и дерутся, давайте сделаем и мы то, что делают другие народы, давайте и мы примем участие в деле, чтобы опустилась голова врага... Сторонниками правительства являются миллионеры, ханы, беки, чиновники и офицеры, кои доят народ, как кобылицу. Вот они-то и есть наши первые враги, с которыми мы должны воевать... Сблизившись с большевиками могучей России, как с братьями и сёстрами, в сотрудничестве с ними нужно взять власть в свои руки, землю помещиков распределить между собой, овладеть фабриками и заводами...»

Листовки спешно подбирались полицией и сторожами, но они всё равно успевали проникнуть в народные сердца, находя там горячий отклик.

Февральская революция была воспринята дагестанцами как событие, принесшее людям долгожданную и желанную свободу. В результате Февральской революции в городе Темир-Хан-Шуре был образован Временный исполнительный комитет, представлявший в Дагестане Временное правительство и претендующий на руководство всей Дагестанской областью. В трёх дагестанских городах – Темир-Хан-Шуре, Порт-Петровске и Дербенте – под руководством меньшевиков были образованы Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Революция сильно обострила политическую обстановку в Стране гор. Реакционные силы, куда входили князья с помещиками и офицеры с буржуазией, возглавляемые крупнейшим помещиком и лже-имамом Нажмудином Гоцинским, совместно с Узун-Гаджи, провозгласив-

шим себя последователем имама Шамиля, и князем Нухбеком Тарковским объявили большевикам непримиримую войну, пытаясь отвоевать у них своё право на господство и призывая народ беспрекословно выполнять их требования. Созданные ими в горах вооружённые отряды состояли из представителей дагестанского духовенства и последовавших за ним простых горцев. В намерения Гоцинского входило захватить Темир-Хан-Шуру, разогнать Исполнительный комитет и установить шариатское правление, для чего он и двинул на город свою шеститысячную армию.

Заполненная вооружёнными горцами Темир-Хан-Шура приняла угрожающий вид, и перепуганные горожане поспешили укрыться в своих домах, чтобы не нарваться ненароком на какое-то неприятное приключение.

* * *

Небольшой домик, расположенный на одной из вымощенных камнем тенистых темирхан-шуринских улиц, был почти не виден за высоким дощатым забором, и потому посторонний глаз не грозил проникнуть даже через окно в одну из его комнат, где собрались сейчас мужчины, чтобы посоветоваться между собой об обстановке, создавшейся нынче в Дагестане.

Один из собравшихся, высокий и статный мужчина весьма колоритной наружности, обратился к сидящим со словами:

– Итак, царь свергнут, и его правительство тоже. Царские генералы и губернаторы убралась, наконец, восвояси, и сейчас перед нами стоит главная задача – не допустить в Дагестане той анархии и разрухи, какие имеют сейчас место в России исключительно по причине мировой войны.

При этих словах Махач Дахадаев, а это был именно он, посмотрел на сидящего напротив человека в военном кителе, которого все называли полковником Джафаровым, и добавил решительно:

– Вместе с царским правительством и русскими чиновниками должны отойти в сторону и те из дагестанцев, которые скомпрометировали себя службой царю. Я имею в виду всю чиновничью интеллигенцию и всё офицерство!

– То есть включая и меня? – осведомился иронично Магомед Джафаров.

– Именно так, – твёрдо ответил Дахадаев. – У власти могут и должны оставаться только чистые люди, никоим образом не связанные со старым режимом.

– Махач абсолютно прав! – вмешался до этого молчавший Джалалутдин Коркмасов, импозантный мужчина с приятными манерами и внешностью аристократа. Пригладив волнистые с проседью волосы, он добавил: – Необходимо, чтобы народ понял и видел, что власть действительно сменилась и что в неё пришли совершенно новые люди!

– Ну что ж, – медленно произнёс полковник, – пожалуй, не стоило мне сюда являться. Очевидно, меня пригласили на это совещание лишь для того, чтобы объявить, что мне нет места в новой власти! Я и не думаю скрывать, что симпатии мои на стороне буржуазии! Более того, я убеждён, что революция – это величайшая ошибка, которая обойдётся очень дорого нашему народу. Честь имею!

Прежде чем кто-то успел ему возразить, полковник Джафаров упругой походкой человека, привыкшего чуть ли не с детства жить в седле, высоко подняв голову, покинул комнату.

А Темир-Хан-Шура кипела, словно забродившее тесто. Массовые демонстрации сменялись многотысячными митингами, где Буйнакский, Дахадаев, Коркмасов, Габиев, Хизроев и многие другие выступали с пламенными речами, разоблачая замыслы Нажмудина Гоцинского.

– Братья! – говорил Махач. – Если вы будете стоять за нами, то мы сможем защитить свободу. Пусть будет шариат! Но пусть шариатисты не угнетают народ и не поработщают его. Мы против этого всегда будем бороться. Братья! Для чего вы сюда собрались? Конечно, с

целью защитить свободу. Гоцинский одним обещал винтовки, другим – военную добычу. Такой ложью он собрал войско из народа. Мы считаем это насилием. Они знали, что отсюда солдаты ушли. В таком случае в кого стрелять, кого убивать они пришли? Если они прибыли нас, социалистов, убивать, то нас пять-шесть человек. Тогда они должны были бы против нас иметь пять-шесть человек. Не нужно было приходиться с винтовками, а должны были бы прибыть, имея под мышками книги. Я не упрекаю наших братьев-горцев, прибывших с ними. Если бы они знали, что идут сюда с целью убийства своих братьев-дагестанцев, то не пришли бы... Мы, пока живы, будем бороться против насильников и тиранов. Я слышал, что от теперешних дел Нажмудина князя и богачи приходят в восторг. Среди них оказываются и такие, которые даже требуют вернуть им назад освобождённых давно рабов. Этого никогда не будет. Пока мы живы, этого не допустим!

Таковыми вот словами большевикам удалось убедить находившихся в вооружённых отрядах горцев, и они уходили прочь от Гоцинского, а сам он с небольшим отрядом сподвижников был вынужден уйти в горы.

Глава 11

Заслышав вдали гроыхающий шум мотора, Нурадин надел папаху и, выйдя за порог, зашагал в сторону дороги. Шум приближался, и уже через несколько минут на дороге показалась большая чёрная машина, из тех, что Нурадину не раз приходилось видеть в городе и на которую сейчас он смотрел так, словно впервые в жизни видел.

Здесь, на горной дороге, машина выглядела нереально, как чудо. Лошади, мулы, ишаки с арбами или без них и даже фаэтоны были самым обычным делом, но машина с её способностью лететь быстрее коня, поражала взоры тех, кто сейчас, подобно Нурадину, не отводил от неё жадного взгляда.

Въехав в село, машина остановилась и, глухо поурчав, затихла, и тут же аульские пацаны обступили её, подзуживая один другого, но так и не решаясь до неё дотронуться. Взрослые горцы, собравшись неподалёку, сохраняли степенный вид, но и они с явным интересом разглядывали автомобиль, цокая языками и вполголоса обсуждая это диво, пока Нурадин обменивался рукопожатиями с приехавшими на нём из города Манапом и ещё тремя незнакомыми мужчинами. Одетые, как и Манап, в одинаковые чёрные кожанки и чёрные же фуражки с блестящими козырьками, они отличались от горцев как одеждой, так и исходившей от них властной самоуверенностью, точно приехали к себе домой.

Подойдя к столпившимся горцам, Манап обратился к ним с традиционным приветствием, присовокупив к нему и новое для горского уха слово:

– Салам алейкум, товарищи!

– Алейкум салам! – отвечали вразной мужины, пожимая протянутые руки и с интересом рассматривая представителей новой власти.

– Хотели вот побеседовать с вами, – сказал Манап, окинув взглядом мужчин. – Давайте сделаем так. Вы созовите всех, кого можете, и приходите к озеру, там и поговорим.

Народ не заставил себя долго ждать, и уже через несколько минут центральная часть Царской дороги стала заполняться горцами, направлявшимися напрямик к озеру, любимому месту всех жителей Кази-Кумуха от мала и до велика. Озеро, наряду с Царской дорогой и базаром, было главной достопримечательностью города Кази-Кумуха, служа местом досуга горцев. Нередко здесь можно было увидеть плавательные средства, что-то среднее между лодкой и плотом, украшенные кружевными балдахинами, под которыми отдыхали именитые кази-кумухцы. Величественные пирамидальные тополя, обрамлявшие со всех сторон озеро, ещё более красили и без того прекрасный пейзаж, а нежно-зелёная гладь прозрачной воды способна была настроить на лирический лад любого, кто оказывался близ неё.

Однако собравшиеся сейчас на берегу этого прекрасного озера люди не замечали его привычных красот, взбудораженные словами Манапа, звучавшими, точно разбуженный колокол:

– Товарищи! Братья! Наконец-то свершилось то, о чём мы так долго мечтали, чего ждали годы и даже десятилетия! Власть перешла в руки народа, большевиков, и вот теперь мы... все вместе... будем строить новый мир!

– Это как? – выкрикнул из толпы Магди, известный на весь аул весёлым и задиристым нравом. – Старого вообще ничего не будет, что ли?

– Да, не будет! – твёрдо сказал Манап. – Довольно мы уже находились под гнётом царизма, страна давно прогнила, а царь и его министры оказались неспособными создать для своего народа достойное существование...

– А как же теперь будет? – выкрикнули сразу несколько голосов.

– Будет всё по-другому! Мы будем жить в новой стране, стране Советов, где у всех будут равные права. А самое главное – вы станете хозяевами своей земли, и вам больше не придётся батрачить на беков и шамхалов...

– А вот говорят, что большевики убивают всех стариков, и мужчин, и женщин! – Старый Бадави подался вперёд и приложил руку к уху, чтобы лучше слышать слова выступающего. – А ещё вроде они хотят каждой женщине поставить на лбу клеймо, чтобы у всех большевиков жёны были общие!

Толпа возмущённо загудела, слышались воинственные выкрики молодёжи.

Манап поднял руку, призывая горцев к тишине, и горячо воскликнул:

– Я прошу вас не верить всем этим глупым хабарам, в которых нет ни слова правды! Это сплетни, которые специально распускаются врагами революции, чтобы посеять в ваших сердцах недоверие к новой власти! У меня тоже есть сёстры, так неужели я бы стал защищать такую власть?! Верьте, братья, что впереди у нас у всех светлое будущее! Мы построим много школ, где наши дети смогут учиться, чтобы стать образованными людьми, больниц, где вы сможете бесплатно лечиться. Мы покончим с неграмотностью и нищетой! Но для этого мы должны объединиться, потому что ещё очень сильно сопротивляются богачи. Им ведь есть что терять, и потому они готовы идти до конца, чтобы защитить свои богатства... хотя эти богатства уже им не принадлежат. Они принадлежат вам, дорогие братья!

Именно вы теперь являетесь полновластными хозяевами гор и равнин, пастбищ и лугов, и именно вашим детям принадлежит вся земля и... вообще, всё будущее! Но для этого надо много трудиться, теперь уже не на богачей, а на самих себя!

Толпа зашумела возбуждённо, и в этот самый момент, перекрывая общий гул, раздался звучный голос:

– Кто здесь говорит о каком-то ином будущем? У Дагестана будущее такое же, что и прошлое! Как жили, так и будем жить, и нечего всяким чужакам приезжать сюда и мутить народ, провозглашая здесь новые порядки! Убирайтесь отсюда вон, голодранцы!

Сказав так, Ибрагим-бек, а голос принадлежал именно ему, легко соскочил со своего серого в яблоках коня и, подойдя к собравшимся, обвёл их взглядом своих непроницаемых чёрных глаз.

Тишину, наступившую после его слов, никто не нарушил, ибо Ибрагим-бек пользовался у земляков непререкаемым авторитетом. Он был справедлив, и честен, и порядочен, и именно этими качествами прочно завоевал себе уважение.

Вновь обведя взглядом толпу, он произнёс негромко и убеждённо:

– Я бы не советовал вам слушать этих чужаков, которые пришли сюда, в горы для того, чтобы посеять между нами разлад и даже вражду! Мы веками жили на своей земле в мире друг с другом и с нашими соседями. С царём или без него, но мы должны держаться вместе и не слушать, что говорят эти так называемые большевики, потому что они обещают вам несбыточное! Не бывает так, чтобы все были равны, такими даже Аллах людей не создал!

– Не говорит ли это о его несправедливости? – перебил говорящего Манап. – Именно потому, что Аллах позволил людям жить в неравенстве, и совершена наша революция! Должны быть все равными! Именно в равенстве всех людей и заключается высшая справедливость! Почему одним должно быть всё, а другим ничего? Почему эти горы, – он сделал рукой жест, обводящий пространство вокруг, – принадлежат вам, кучке богачей, когда они должны принадлежать всем горцам? Горцы берут у вас в аренду землю, за которую платят непомерную сумму, они платят вам штраф за то, что их скот заходит ненароком на ваши пастбища, они выплачивают вам налоги и всякого рода повинности, и в результате оказываются в долговой петле на всю свою жизнь! Они вынуждены покидать родные места и уезжать на чужбину, чтобы прокормить своих детей, которым они оставляют после себя одни лишь долги...

– Верно говоришь! – взволнованно закричали мужчины. – Ибрагим-беку хорошо рассуждать, у него закрома ломаются от богатств, а нам каково? Надоело! Мы тоже хотим иметь свою землю, свой скот и своё поле!

– Эх! – воскликнул в сердцах Ибрагим-бек и, махнув рукой, направился к своему коню. Вскочив на него, он выпрямился в седле во весь рост и, обращаясь к толпе, вскричал:

– Глупцы вы все, вот что я вам скажу! Они вам затуманивают мозги, а вы развесили уши и слушаете этих голодранцев!

Переведя взгляд на Манапа и его спутников, он произнёс:

– Всё равно не будет по-вашему... потому что мы сдаваться не собираемся!

Хлестнув плетью коня, он умчался вниз по Царской дороге.

* * *

Ризван отхлебнул из пузатой глиняной кружки немного бузы и аккуратно вытер намочившие кончики усов. Ни лепёшка из конского щавеля, испеченная его женой Саидат, ни веселящая обычно буза не могли отвлечь его сейчас от тяжёлых и неприятных мыслей. Он вздохнул, затем снова вздохнул и, наконец, уставился невидящим взглядом на чернеющую вдали тучку.

– Ты что это молчишь сегодня? – подозрительно спросила его Саидат. – Заболел, что ли?

– Ничего я не заболел! – ответил хмуро Ризван. – Просто... думаю!

– И о чём же ты думаешь, может, скажешь? Уж не о том ли, чтобы подправить, наконец, забор?

– Помолчи-ка, женщина! – повысил голос Ризван. – Не до забора сейчас!

Саидат, зная характер мужа, не стала отвечать, а, повернувшись к нему вполборота, принялась перебирать своими натруженными руками горянки разложенную на дощатом столе крапиву, только что собранную позади дома. Крапива была неотъемлемым компонентом горской кухни, и все русские, которых судьба забрасывала в горы случайно или по причине войн, лишь диву давались, видя, с каким удовольствием горцы поедают это колючее растение, которое, служа начинкой для всевозможных чуду и курзе, на вкус оказывалось нежным, как только что испеченный хлеб.

– Схожу-ка к Магди, – сказал Ризван и, тяжело поднявшись с табурета, направился к двери.

Магди был дома не один, а с двумя кунаками, занимавшимися отходничеством в Тифлисе и нынче приехавшими в родные края на побывку, к своим семьям. Один из них, Зубаир, горячо говорил сейчас, обращаясь к другому, Ильясу, и отчаянно жестикулируя своими большими жилистыми руками:

– Вот, социалисты говорят, что будет у всех всё одинаково. А как может быть одинаково у разных людей, а? Вот скажите мне, бывает так, чтобы всё одинаково? Люди-то разные!

– Да не волнуйся ты так! – спокойно сказал Ильяс. – Нам с тобой что терять? Это князья и беки теряют, а мы... Мы ничего не имеем, так что ничего и не потеряем! А вот занять можем! Обещают же большевики и землю, и скот...

Ризван, переполненный точно такими же думами, подсел к мужчинам и стал молча слушать.

– Вот наш кумухец Касаев Магомед говорит, что теперь у нас у самих есть право выбирать себе судей, а мне что-то не верится в такое, и я уверен, что...

– А я, – перебил неожиданно Ризван, – переживаю ещё и за другое.

Уже в который раз за вечер он тяжело вздохнул и снова продолжил:

– Социалисты нас уговаривают объединиться с русскими, мол, они нам помогут прийти к новой жизни. А я вот опасаясь этих русских. Всё-таки они неверные, и наши с ними воевали почти тридцать лет. Честно скажу, я им не доверяю! Ведь сколько наших людей из-за них погибло! Что бы там ни говорил Нурадин с этим своим Манапом, а я думаю, что нам лучше быть подальше от этих неверных!

Магди, поставив перед гостями угощение в виде фасоли, сваренной вместе с небольшим, последним из домашних запасов, кругом сушёной горской колбасы, ответил весело:

– Неверные или нет, а воевать они умеют! И потом разве не сказал имам Шамиль, что с русскими лучше жить в мире и согласии?

– Может, сказал, а может, и нет. Кто знает наверняка? Нас ведь с тобой при этих его словах не было! А русские нашу веру не любят.

– И пускай не любят, нам-то что? Мы же им не мешаем молиться их богу, и они нам тоже пусть не мешают!

– А ещё мне не нравится, что наш Габиев говорит, что все мы должны учить русский язык, – продолжал Ризван, торопясь выложить кунакам всё, что уже давно теснилось в его душе. – Ну, скажите, для чего нам этот русский язык нужен? Всю жизнь мы обходились прекрасно своими языками, а теперь большевики твердят, что должен быть везде русский! Мне это не нравится!

Совсем разгорячившись, Ризван изо всех сил хлопнул по столу ладонью.

– А скажи-ка, брат, приходилось тебе выезжать отсюда в русские города? – спросил его Зубаир.

– Нет, зачем мне выезжать, я и здесь могу шить сапоги!

– Так вот, дружище, если бы ты ездил, как мы, по разным местам, то ты бы понял, как плохо, когда не говоришь по-русски! Россия, знаешь, какая огромная и сколько в ней людей, и поэтому без их языка ни туда и ни сюда! Надо, надо учить русский язык, от этого хуже никому не будет, поверь мне!

Наступила пауза, во время которой и гости, и хозяин сосредоточенно жевали каждый свой кусок жёсткой горской колбасы, запивая её горячим наваристым бульоном. Покончив с колбасой, мужчины молчали ещё некоторое время, а затем Ильяс произнёс философски:

– Да-а, когда желудок насыщен, то и невзгоды кажутся не такими уж и лютыми!

Магди весело хмыкнул и сказал:

– Твои слова напомнили мне сейчас историю с Далляпиллином!

– Далляпиллин? А кто это?

– Это был один кумухский богач, с которым связано много потешных историй. Он однажды купил на кумухском базаре дорогой сервиз, нанял грузчика и поручил ему нести тяжёлую коробку. Сам шёл рядом и всю дорогу забивал голову грузчика нравоучениями. Когда дошли до дома Далляпиллина, он сказал: «Вместо денег я дам тебе три важных совета, которые стоят гораздо дороже. Слушай. Если тебе скажут, что болеть лучше, чем быть здоровым, не верь: здоровым быть лучше! Если тебе скажут, что голодным быть лучше, чем сытым, тоже не верь: сытым быть лучше! Если тебе скажут, что бедным быть лучше, чем богатым, тоже не

верь: богатым быть лучше! Теперь можешь идти!» Грузчик выслушал все три совета, а потом с размаху бросил коробку с сервизом на землю и сказал: «Слушай, Далляпиллин, если тебе скажут, что посуда в этой коробке не разбилась, ты не верь: она вся разбилась!»

Мужчины расхохотались, и беседа продолжалась уже в шутовском русле.

Вернувшись домой поздно ночью, Ризван чувствовал облегчение, словно давившая его изнутри смутная тревога неожиданно уступила место каким-то даже радужным надеждам.

Глава 12

Узкие горные дороги, вившиеся меж отвесных скал, были одинаково опасны для любого, кто проходил, а тем более проезжал по ним. Опасность представляли горы, взбудораженные какими-то своими, внутренними и лишь им самим известными процессами и выразившие время от времени своё волнение обвалом камней, больших и малых, которые в лучшем случае преграждали путникам путь, а в худшем могли и убить.

Опасность собою представляли и гигантские пропасти, от одного вида которых так кружило голову, что не всякий-то и выдерживал это зрелище и, помня рассказы о бесчисленных несчастных случаях в горах, поспешно отводил от него взгляд, обращая его тут же к небу, где и взгляду, и душе было куда как комфортней.

Горцы, однако, не боялись ни своих гор, ни этих угрожающих провалов, подсознательно ощущая на вековечном генетическом уровне, что истинное своё измерение высота получает именно в сравнении с пропастью. Им было неведомо слово «равнина», и для них всё, что не являлось горами, олицетворялось понятиями «низ», «внизу». И если кто из них отправлялся в другие места на заработки, то горцы так и объясняли: «Он там, внизу», и суть этого была так же проста, как и сами горы, бывшие наверху.

Как бы ни были горы опасны, но люди, обуреваемые страстями, были ещё опаснее. И какие бы цели ими ни двигали, большинство их носило характер разрушительный.

Вот и сейчас в горах бушевали страсти, и люди, некогда сплотившиеся пред натиском всевозможных иноземных врагов и могущественных империй, сражались нынче друг с другом, отстаивая идеалы кто веры, а кто свободы так, как это им казалось единственно возможным.

Свобода была для них как воздух, и, веками её отстаивая, они даже не помышляли о том, чтобы посягнуть на чужую. И та Россия, от которой они четверть прошлого столетия отстаивали свою независимость, предлагая теперь простым горцам дружбу, равенство и братство, сулила им светлое и радостное будущее в братской семье трудовых народов, и они всем сердцем поверили этой новой России, и приняли её дружбу, и воевали теперь друг с другом не на жизнь, а на смерть, каждый отстаивая собственное видение будущего своего, и своих детей, и всей этой горной страны, называемой Дагестаном.

И если раньше для них существовало скорее понятие, нежели слово, то теперь именно слово приобрело повсеместное звучание, и всколыхнуло их, и звучало настолько сладостно, что простые люди слышали его именно так, как желалось большевикам, страстно призывавшим их освободиться уже не от иноземных захватчиков, а от собственных владетельных ханов, беков и князей.

Потому-то и были опасны горы, в ущельях которых прятались сейчас многочисленные вооружённые отряды тех, кто именовал друг друга бандитами.

* * *

Деревянная арба, запряженная пожилой усталой конягой, еле ползла по петляющей и пустынной горной дороге и весьма рисковала в этот поздний час стать добычей любого из вооружённых отрядов, прятавшихся в этих горах. И действительно, на одном из поворотов

прямо перед арбой, будто из-под земли, выросло несколько всадников, чьи лица почти невозможно было разглядеть из-за надвинутых по самые брови папах.

Возница, резко натянув поводья, гортанным возгласом придержал конягу, и она с удовольствием остановилась, не успев даже испугаться, а сам он инстинктивно потянулся за спрятанным в сапоге небольшим кинжалом.

– Спокойно! – воскликнул один из всадников. – Куда едем?

– Вниз... в Шуру... – неохотно ответил возница.

– Зачем?

– Женщин везу.

– Женщин? Каких ещё женщин? – В жёстком голосе всадника звучало удивление.

Возница молчал, и всадник, приблизившись вплотную к арбе, махнул рукой своим спутникам, и те окружили её плотным кольцом.

В арбе находились две женщины, постарше и помоложе. Первая, метнув на мужчин угрюмый взгляд, пробормотала что-то вполголоса и застыла, словно изваяние, а вторая принялась быстро натягивать на себя толстую шаль, но и та не смогла прикрыть огромный живот, заметив который мужчины тут же отвели в смущении глаза.

– Ты чья будешь?

На сером жеребце вперёд выступил мужчина на вид лет сорока, который и обратил свой вопрос к беременной женщине. По тому, как почтительно расступились перед ним остальные всадники, можно было понять, что он у них главный.

– Я... Нафисат, жена Мухаммад-хаджи из Кази-Кумуха... еду в город... к доктору.

– Мухаммад-хаджи? Я хорошо знаю его. Очень почтенный и достойный человек. А где он сам? Почему позволил тебе ехать в столь опасное время?

– Его сейчас нет в Дагестане...

– Это очень хорошо. Они арестовывают всех подряд... Ну да ладно, сейчас не до разговоров! Вот что, сестра... Дорога очень опасна! Езжай-ка ты обратно, а то совсем скоро здесь будет очень жарко, и тогда ты просто не доедешь!

– Но мне необходимо попасть в Шуру... и... сохранить моего ребёнка! – в отчаянии воскликнула молодая женщина.

– Твой ребёнок благополучно родится на свет! – Голос мужчины помягчел. – Езжай обратно и не бойся... Я сам буду молиться за вас!

– Но...

– Делай, как я тебе говорю... И передай мужу, когда вернётся, что шейх Али-хаджи свидетельствует ему своё почтение.

– Шейх Али-хаджи? Так ты Али-хаджи Акушинский? – спросила женщина.

– Да, это я. Поезжай, сестра, домой и не беспокойся ни о чём. Аллах да пребудет с тобою! А мои молитвы помогут тебе и твоему ребёнку.

Сказав так, мужчина стегнул коня нагайкой и исчез вместе со своими спутниками за горным поворотом, оставив за собою шлейф из дорожной пыли.

Возница, всё это время напряжённо молчавший, разжал рукоятку своего кинжала и, облегчённо вздохнув, издал гортанный звук, развернув на узкой горной дороге лошадей с арбою и живым грузом в обратную сторону.

* * *

Советская власть в Дагестане переживала тяжёлые дни. С одной стороны на Темир-Хан-Шуру активно наступали банды Гоцинского, а с другой – на Порт-Петровск со стороны Азербайджана в походном порядке наступал кадровый казачий корпус под командованием Бичерахова, который в результате тяжёлых боёв благодаря численному и техническому превосходству

занял Порт-Петровск, установив в городе режим кровавого террора. Едва сформировавшейся из простых дагестанцев Красной Армии пришлось вступить в борьбу сразу с двумя опаснейшими противниками.

Истинные просветители, такие как шейх Гасан Кахибский, конечно, не могли не озаботиться тем положением, в котором оказался народ в результате жестокого противостояния, и горячо взывали к здравому смыслу, готовые ради всеобщего спокойствия занять любую примиренческую позицию, могущую принести мир на землю Дагестана: *«Братья и сёстры, как вы сами знаете, положение сейчас довольно-таки беспорядочное, так что трудно разобраться тому, у кого нет правильного ума и здорового сердца. Один выступает и заявляет, что он имам народа, другой говорит, что он глава народа. Народ не знает, как быть, кому подчиняться, к кому примыкать. Нажмудин претендует на имамство, а Кайтмаз стремится к главенству. Нет сомнения, что цель обоих – сохранность овец, имущества, домов с помощью вас и вашей крови, хотя языком они говорят иное... Я вас предупреждаю, чтобы вы не обманулись, не совершайте кровопролитие, идя за вышеуказанными авантюристами, не делайте своих детей сиротами и своих жён вдовами... Кто из вас имеет здравый ум, пусть ищет себе путь и спасает себя, своё имущество, семью... Мы очутились в том времени, о котором предупреждены в преданиях от Кааба и Ибн-Мас Уда, да помилует их обоих Аллах. Если такое положение продолжится, то нечего плакать по усопшим и радоваться рождённому, смута распространится между народами, как настоящий потоп, дозволенное и недозволенное будет трудно различать, люди станут как пьяные от голода и от наготы, часть населения покинет родные места, начнут бежать от одного аула к другому. Нет никакого сомнения в том, что все эти беспорядки произошли благодаря тем, которых проклинал Божий посланец: «Смута спит, и кто разбудит её, тому Божье проклятие»... Мы уговаривали правителей о том, что большевики передают власть народу и что казаки уйдут, но полковник Кайтмаз Алиханов не послушал нас, наоборот, он послушал Гоцинского, который покинул свой дом, зажёг огонь везде и всюду, где ступала его нога, а затем убежал, подобно тому, кто зажёг огонь на хвосте кошки, затем пустил её к сеновалу, полному сухого сена, и убежал. Но у Аллаха есть свой закон, сводящий к тому, что жернова мельницы будут вращаться на голове тех, кто их сперва раскрутил...»*

Вам следует доставлять моё это письмо из одного аула в другой, чтобы оно читалось в мечетях, на собраниях. Кто последует – самому хорошо, кто упорствовал – тому гибель, пусть сам на себя пеняет. С приветом, бедный Кахибский Гасан...»

А между тем в горах и аулах началась активная борьба за восстановление Советской власти. События развивались так стремительно, что растерявшийся князь Тарковский, объявленный временным военным диктатором Дагестана, вынужден был обратиться к турецкому правителю в том плане, что помощь в деле разгрома большевизма со стороны турков явно недостаточна.

Чрезвычайный Военный Совет, образованный для руководства военными операциями против контрреволюционных сил в Дагестане, обратился к дагестанцам со страстным призывом: *«Братья! Чем жить в рабстве, лучше умрём свободными борцами за свободу! Всякий, кому дорога свобода, кто не желает быть рабом богачей, князей и других господ, кто хочет помочь трудящимся в это тяжёлое время, пусть идёт в Красную Армию...»*

Всего за несколько месяцев своего существования Советская власть успела завоевать в народе популярность, а кровавый режим Бичерахова-Тарковского вместе с подлым убийством Махача Дахадаева и издевательствами, мародёрством и грабежами со стороны банд и турецких офицеров переполнили чашу терпения горцев, которые стали оказывать как большевикам, так и Красной Армии повсеместную поддержку.

В результате тяжелейшей борьбы в марте 1920 года Советская власть в Дагестане была установлена окончательно. И в том же году, 13 ноября, в Темир-Хан-Шуре при огромном скоп-

лении народа был проведен Чрезвычайный съезд народов Дагестана, куда Центральный Комитет партии и новое советское правительство направило товарищей Сталина и Орджоникидзе, поручив им провозгласить автономию Советского Дагестана.

Часть II (1921–1931) Ветер перемен

Глава 1

– Смотри, что я тебе принёс! – Ансар протянул жене бумажный кулёк, в котором лежали три больших золотистых апельсина.

– Где ты их взял? – обрадованно спросила Айша. Ей уже приходилось лакомиться этими диковинными плодами в отцовском доме, куда с удовольствием заходили со своим товаром заезжие купцы, но сейчас ей показалось, что апельсины чудесным образом появились прямоком из «Тысячи и одной ночи».

– У армянина купил, – ответил Ансар и ласково улыбнулся ей. – Съешь, прошу тебя!

– Спасибо! – Глаза Айши увлажнились, и она быстро отвела их в сторону, чтобы муж ничего не заметил.

Прошло уже больше года с тех пор, как они поселились в столице Дагестана, Буйнакске, ещё недавно называвшейся Темир-Хан-Шурой. Небольшой, но оживлённый город был когда-то военным укреплением и почти полностью состоял из русских военнослужащих. Тогда же, официально возведённый в ранг окружного города с резиденцией губернатора Дагестана и Терека, он стал привлекательным местом для всех людей, приезжавших сюда как с гор, так и из внутренних российских губерний. Здесь процветала торговля, а улицы, интенсивно застраивавшиеся домами, были вымощены камнем и освещались множеством фонарей.

По приезде Ансару и Айше удалось за сравнительно небольшую плату снять небольшой домик, хозяин которого проживал в Тифлисе, наказав приглядывать за домом родственникам покойной жены, а те, в свою очередь, стали сдавать его внаём сначала русским офицерам, потом армянским торговцам и наконец – приехавшей с гор молодой семье.

После почти целого месяца безуспешных поисков работы Ансар устроился, наконец, в управление небольшого хлебозавода, поставлявшего свою продукцию вначале Белой, а затем и Красной армии.

После службы Ансар отправлялся в местную ювелирную мастерскую, где по совместительству работал мастером и куда частенько навещали местные промышленники и военные, щедро оплачивавшие украшения, заказываемые ими для своих дам.

В душе Ансар винил себя за то, что Айша по его милости лишена привычных с детства удобств, и клятвенно обещал себе, что она ни в чём никогда не будет нуждаться, а потому работал с утра и до поздней ночи и затем, лёжа в постели и крепко прижимая к себе жену, мечтал о времени, когда они обзаведутся собственным домом, наполненным покоем, счастьем и звонкими детскими голосами.

Порой, засыпая, он в смутных своих сновидениях видел величавые ряды гор, нависших каменной стеною над бегущими внизу потоками мутной реки, и просыпался потом с сильно бьющимся сердцем, и долго не мог заснуть, вспоминая родные места и дивясь тому, что в жизни, оказывается, не всё так складывается, как предполагалось, и что вот он уехал из Кумуха, а ведь собирался остаться там до конца своих дней.

Но здесь, внизу, жизнь была такой оживлённой, и интересной, и наполненной новыми впечатлениями и новыми знакомствами, что он и не помышлял о том, что, возможно, когда-то захочет вновь возвратиться обратно.

Жизнь в городе была ключом, здесь постоянно возводились новые строения и появлялись новые лица, и от этого постоянного действия жить было здесь чрезвычайно увлекательно и интересно.

И даже когда в стране поменялась власть, город продолжал точно так же бурлить и кипеть, но просто уже в другом направлении.

Появилось множество людей в кожанках, и песни на улицах стали распеваться всё больше революционные, и городская детвора, подражая взрослым, выстраивалась в шеренгу и, отбивая босыми пятками мостовые, во всё горло распевала «Смело, товарищи, в ногу...» – марш, любимый всеми большевиками.

И мода здесь была совсем иной, городской и европейской, и вот уже Ансар сменил свою черкеску и папаху на франтоватый костюм и шляпу в форме котелка, а для Айши купил наряды несколько не хуже тех, что носили городские франтихи.

Повсюду звучал русский язык, на котором говорили и дагестанцы, и армяне, и азербайджанцы, и евреи, приезжавшие сюда со всех уголков России и остававшиеся работать педагогами, врачами, инженерами и просто торговцами.

Айшу удивляло здесь всё, и вечерами, когда Ансар возвращался с работы, она ставила перед ним ужин и садилась напротив, подперев лицо рукой и жадно слушая его рассказы о том, как прошёл день, а потом, переодевшись в пошитое по моде платье, выходила с мужем на прогулку по оживлённой и многолюдной главной улице города.

Каждый день приносил новые знакомства, и Айша постепенно отвлеклась от грустных мыслей, связанных с собственным предательством. Она была счастлива с Ансаром и не представляла рядом с собою никого другого, но то, как она поступила со своими родными, терзало и мучило её. Она постоянно обращалась мыслями к родителям, и братьям, которых давно не видела, и, конечно, к любимой подруге Шахри. Как они там все? Простили ли её? Наверное, нет, тяжело вздыхая, говорила она себе, да и не простит отец никогда, уж она-то его знает! И от этих мыслей сердце её непрестанно ныло, и она никак не могла быть счастлива, даже несмотря на то, что рядом был любимый и что Всевышний, по-видимому, её простил, раз благословил беременностью.

Она мечтала подарить Ансару сына и в мыслях рисовала себе тот счастливый день, когда они втроём предстанут перед Ибрагим-беком, и он, увидев, как счастлива дочь, сменит гнев на милость и тоже благословит их.

Глава 2

По широкой, усаженной молодыми тополями улице Темир-Хан-Шуры, заложив руки за спину, шёл невысокий, коренастый и хорошо одетый господин средних лет и крепкого телосложения. Он шёл неторопливой и на удивление упругой для его возраста походкой весьма уверенного в себе человека, всем видом демонстрируя, что он не принадлежит к тем празднующимся личностям, которые от нечего делать гуляют по улицам целыми днями. Время от времени он останавливался возле какой-нибудь лавки, коими была густо усеяна нижняя часть улицы, и с деловитым видом, покачиваясь с носка на пятку и обратно, внимательно рассматривал витрину, а затем, будто запомнив для себя нечто важное, продолжал свой путь, то и дело кивая приветливо встречным горожанам.

Это был Магомедмирза Мавраев, известный всему Дагестану первопечатник и книгоиздатель. Когда-то, в начале века, юный паренёк, устроившись в Бахчисарае учеником мастера и хорошо освоив типографское дело, воспылал страстным желанием создать собственную типографию, и состоятельная чохская родня, продав четыре сотни овец, отдала ему все вырученные деньги для того, чтобы он смог купить себе оборудование. Так было положено начало издательской деятельности Магомедмирзы Мавраева, со временем превратившегося в крупного

капиталиста, владевшего заводами и фабриками, магазинами и складами, виноградными плантациями и типографией и успешно совмещавшего предпринимательскую деятельность с книгопечатанием. Издаваемые Мавраевым многочисленные газеты и журналы выходили на арабском, русском и всех кавказских языках и содержали самые разные материалы, начиная от передовиц и общественно-политических статей и кончая просто объявлениями.

Помимо периодики, типография Мавраева выпускала художественную литературу, учебные пособия, труды дагестанских учёных, духовную литературу, трактаты по мусульманскому праву и даже календари, доставляя по почте свою продукцию всем желающим, включая тех, кто жил высоко в горах.

И вот сейчас Магомедмирза направлялся к своему «Дому книги», открытому им ещё в 1907 году. Подойдя к нему, остановился у входа, рассматривая витрину с тем же вниманием, с каким разглядывал все предыдущие.

– Салам алейкум, дорогой Мухаммадмирза! – услышал он за спиной знакомый голос и живо обернулся, протягивая руку Исмаилу Багаутдинову, с которым был знаком ещё с тех времён, когда приобрёл самый первый свой типографский станок.

– Ваалейкум ассалам, дружище! Как поживаешь, какие новости? – ответил обрадованный встречей Мавраев.

– Алхамдулиллах, всё идёт, как положено. Вот решил в баню сходить, от души там попариться!

– Дело хорошее! – согласился Магомедмирза. – А после бани нет ничего лучше крепкого чая и интересной книжки. Так что заходи на обратном пути и выбери себе что-нибудь. Хвала Севышнему, книг у нас много самых разных!

– Это правда, дорогой Мухаммадмирза, и в этом всё твоё заслуга! Только вот кажется мне, что в последнее время ты слишком увлёкся изданием русских книг!

– Это не совсем так, друг мой! Я издаю книги на всех языках Дагестана и Кавказа, а кроме того, ещё и на арабском. Что же до русского языка, то ты-то ведь должен понимать, что мы, живя бок о бок с Россией, никак не имеем права игнорировать её язык!

Исмаил понимающе закивал головой и уже собрался попрощаться, как вдруг вспомнил:

– Да, читал я, кстати, на днях твою статью, где ты пишешь, что не могут люди быть равны между собой. Всё хотел спросить, ты и в самом деле так думаешь?

– Да, и более того, я в этом уверен! – ответил Мавраев. – Большевики всё твердят о равенстве, о свободе. Посуди сам, какое может быть равенство между богатыми и бедными, между грамотными и неграмотными или же сильными и слабыми, учёными и неучами? Это желание большевиков совершенно неосуществимо и нереализуемо на земле. Ведь Аллах создал нас с разными характерами и нравами, разными талантами и разным телосложением. И если все богатства, что имеются сегодня на земле, распределить равномерно между всеми нами, то через какое-то время одни из нас станут снова богатыми, а другие бедными, потому что одни умеют зарабатывать и накапливать, а другие могут лишь проедать и пропивать.

От разговора Мавраев разгорячился и стал яростно жестикулировать, тыча указательным пальцем чуть ли не в нос собеседнику.

– Что ж, возможно, ты и прав, – рассудительно сказал Исмаил, – но разве нельзя хотя бы стремиться к этому?

– Стремиться, конечно, можно, но посуди-ка сам, сколько сыновей богатых отцов после их смерти продают или пропивают наследство, которое копилось годами? И наоборот, разве мало есть бедняцких сыновей, которые накапливают богатство и становятся состоятельными людьми? А ведь испокон веку было так: если человек разбогател, да ещё при этом имеет опыт и знания, то его авторитет среди людей тут же повышается. А если он не стремится иметь больше, чем ему хватило бы на пропитание, или же не особо тянется к знаниям, то он постепенно слабеет и в итоге попадает в рабство к другому человеку. Разве я не прав? И, кстати, точно

так же с нациями. Я убеждён, что если уравнивать людей богатых и способных с бедными и загубившими свои таланты, то это будет самое настоящее насилие над людьми!

– Выходит, ты считаешь, что надо всё оставить как есть и даже не пытаться что-то изменить?

Исмаил, казалось, был обижен за всё обездоленное человечество.

– Да нет, я так не говорю! Просто нужно, чтобы государство помогало людям, создавая для них равные возможности, когда у каждого есть доступ к учёбе, к знаниям. И потом я уверен, что на вышестоящие должности надо ставить тех людей, которые любят и уважают свой народ, хотят ему помочь. Вот совершит руководитель неблагоприятный поступок – так и надо его наказать по всей строгости! Поиздевается богатый человек над бедным – избить его хорошенько! Короче, всем людям нужно воздавать по их заслугам!

– Вот тут ты абсолютно прав, дорогой Мухаммадмирза! – с чувством произнёс Исмаил и поспешно добавил: – Но мне пора идти, а то, чувствую, баня будет переполнена!

– Конечно, дружище, какой разговор! Не забудь только заглянуть в магазин, уверен, найдёшь здесь для себя много интересного!

– В обязательном порядке! – крикнул, удаляясь, Исмаил.

Глава 3

Подложив под голову длинный валик, вправленный в чехол из золотисто-зелёной турецкой парчи, Ибрагим-бек задумчиво смотрел на весело потрескивавшие в камине дрова и размышлял о том, что происходит в горах.

А в горах происходило несовместимое с вековыми устоями. Люди точно с ума посходили. Зажиточные кази-кумухцы, опасаясь угрозы конфискации имущества, оставляли свои дома и спешно выезжали кто на равнину, а кто и дальше, в Грузию или Азербайджан, полагая переждать там смуту революционных лет и не ведая, что в Закавказье этой смуты ещё больше. Зато простые горцы бурно приветствовали большевиков, усмотрев в новой власти самые радужные для себя перспективы. На смену прежним приоритетам и авторитетам неумолимо приходили новые.

Был ещё по инерции силен в народе авторитет ханов и беков, исторически сложившийся на протяжении нескольких столетий, однако нет-нет да и доносилось до Ибрагим-бека вслед пренебрежительное: «Уже никто, а спеси хоть отбавляй!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.